

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

Юрий Юрьевич Карпов

**БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ**

Санкт-Петербург
2016

УДК
ББК

Авт.

Составитель *М.С.-Г. Албогачиева*

Карпов. Ю. Ю.

Авт. Библиографический указатель трудов. — СПб.:
МАЭ РАН, 2016. — 76 с.

ISBN 978-5-

В издании представлены краткая биография видного кавказоведа Юрия Юрьевича Карпова, очерк его экспедиционной деятельности, обзор его научных трудов за 1981–2015 гг., воспоминания коллег и учеников.

Указатель предназначен для этнографов, историков и широкого круга читателей, интересующихся Кавказским регионом.

ISBN 978-5-

© Ю. Ю. Карпов, 2016
© МАЭ РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

БИОГРАФИЯ.....	5
ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	11
СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ.....	30
КОЛЛЕГИ О Ю.Ю. КАРПОВЕ	49
НАГРАДЫ.....	75

БИОГРАФИЯ

Юрий Юрьевич родился 6 июня 1956 г. в Ленинграде, в клинике Отто, в 300 метрах от Кунсткамеры, этим, очевидно, была предопределена его судьба. Юрий Юрьевич говорил: «Мама смотрела в окно на расположенный через дорогу желтый дом и думала, что это такое. Оказалось, что это исторический факультет Ленинградского государственного университета, где я потом учился с 1973 по 1978 г. на кафедре этнографии и антропологии».

Юрий Юрьевич всегда тепло вспоминал годы, проведенные в университете, рассказывал о полевых работах в колхозах и совхозах Ленинградской области, об экспедиционных студенческих поездках по регионам страны со своими учителями. Он подчеркивал огромную роль педагогов в формировании его научных интересов и любовь к выбранной профессии: «Из последних непременно хочу назвать Рудольфа Фердинандовича Итса, который любил всех, и в не в последнюю (а может быть в первую) своих учеников, который привил своим ученикам нечто такое, что сделало большинство из них этнографами. Мои учителя: Александр Вильямович Гадло, Дмитрий Глебович Савинов, Борис Петрович Шишло».

После окончания университета Ю.Ю. Карпов служил в рядах Советской армии (1978—1980 гг.). Во время службы он окончательно убедился, что его призвание — наука, и в 1981 г. поступил в аспирантуру Ленинградской части Института этнологии Академии наук СССР, где стал вести активное изучение этнографии народов Кавказа. Успешно закончив аспирантуру, в 1984 г. начал работу младшим научным сотрудником отдела этнографии народов Средней Азии, Кавказа и Казахстана Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера), где проработал всю свою жизнь на различных должностях.

В мае 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Вольные» общества Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в. (к вопросу о роли патриархально-родовых и общинных институтов в процессе формирования раннеклассовых отношений)». Получив степень кандидата исторических наук, был переведен в старшие научные сотрудники. В 1998 г. в МАЭ РАН была образо-

вана группа этнографии Кавказа, которую он возглавил. В мае 1999 г. Юрий Юрьевич защитил докторскую диссертацию на тему «Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа XIX–XX веков».

Историю отдела этнографии народов Кавказа МАЭ РАН правомерно связывать со сформированным в апреле 1936 г. в стенах Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР (предшественника современного МАЭ РАН) кабинетом Кавказа и отделом Кавказа, которым заведовал А.Н. Генко. В послевоенное время кавказоведческие исследования МАЭ связаны в первую очередь с именем Л.И. Лаврова, который на протяжении многих лет заведовал отделом и создал фундаментальные труды по истории и этнографии населения большей части Северного Кавказа. В 70–80 годах XX в. исследования этнографии народов Кавказа в Ленинградской части Института этнографии АН СССР велись в рамках отдела этнографии народов Средней Азии, Кавказа и Казахстана. Позже в МАЭ РАН была образована группа этнографии Кавказа, с 2002 г. — отдел этнографии Кавказа, которым Ю.Ю. Карпов руководил до самой смерти.

В 2004 г. Юрий Юрьевич был приглашен работать по совместительству ведущим научным сотрудником отдела проблем современной этнографии, межнациональных отношений и этнографического музееведения в Российский этнографический музей. В этот период в составе группы музейных экспертов из числа научных сотрудников Российского этнографического музея (к.и.н. Д.А. Баранова, к.и.н. В.А. Дмитриева, музейного дизайнера В.А. Глазкова) он совершил поездку в город Герат для реализации пилотного проекта по созданию Историко-этнографического музея в Афганистане. Над этим проектом он много и плодотворно работал, но реализовать его не удалось.

Будучи прекрасным полевиком, он обследовал Западный и Юго-Западный Дагестан, горную часть Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, горные районы Восточной Грузии, где не только собрал уникальные полевые материалы, легшие в основу его статей и монографий, но и значительно пополнил коллекционное собрание МАЭ РАН. Юрий Юрьевич привез 260 предметов, сосредоточенных в коллекциях: № 7353 — Предметы быта, одежда, модель средства передвижения (Дагестан); № 7154 — Фрагменты семи рукописных и трех печатных книг на арабском языке (Дагестан);

№ 7112 — Предметы традиционной одежды народов Западного Дагестана; № 6988 — Предметы быта (Дагестан); 6851 — Маски и персонажи праздника "Игби" (Дагестан).

Фото-иллюстративные коллекции 805 единиц хранения: № И2104 — Негативы и фотографии по культуре и быту аварцев; № 2109 — Негативы и фотографии. (Дагестан, Цунтинский район); № 2132 — Негативы и фотоотпечатки. (Дагестан, Цунтинский район); № 2144 — Негативы и фотоотпечатки. (Ингушетия, Сунженский и Назрановский районы); № 2149 — Негативы и фотоотпечатки. (Дагестан, Тляринский и Ахтынский районы); № 2152 — Черно-белые негативы по культуре и быту цезов, осетин, чеченцев; № 2224 — Фотографии (фотоотпечатки цветные), эстампажи. (Дагестан, Ахвахский и Рутульский районы).

За период его руководства отдел добился значительных результатов благодаря различным проектам и грантам, которыми он руководил.

2006–2008 — руководитель гранта Президиума РАН. Тема «Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций» (коллективный проект отдела Кавказа МАЭ РАН «Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственности и разрывы в социокультурных практиках»).

2008–2010 — руководитель гранта РГНФ «Миграционные процессы в Дагестане в середине XX — начале XXI в.: социальные, этнокультурные их последствия и перспективы» (совместный проект с Е.Л. Капустиной).

2009–2011 — руководитель гранта Президиума РАН. Индивидуальная тема «Кизляр как зеркало российской истории Кавказа» (коллективный проект отдела Кавказа МАЭ РАН «Потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде Северокавказского региона»).

2012–2014 — руководитель раздела программы Южного НЦ РАН «Управление полиэтничным макрорегионом России: исторический опыт и современные проблемы». Раздел «Между регионализмом и централизмом: административные практики на Северном Кавказе в контексте “национального вопроса” в поздней имперской России (вторая половина XIX — начало XX в.)».

2012–2014 — руководитель гранта Президиума РАН. Тема: «Горцы в городской среде Дагестана и Ставрополья (трансформации социокультурных стереотипов)» (коллективный проект отдела

Кавказа МАЭ РАН «Горы, люди и границы: изобретение и использование традиций в горских сообществах на постсоветском пространстве»).

2012–2014 — руководитель гранта РГНФ «Инородческий вопрос и национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 80-е годы XIX — 30-е годы XX в.: эволюция проблем и решений» (совместный проект с Е.И. Кобахидзе).

Результатом работы по последнему гранту станет монография, которая выйдет посмертно, и многие архивные документы, введенные им научный оборот, позволят пролить свет на политические процессы первой половины XX в., легшие в основу современных проблем народов Северного Кавказа.

В 2005–2009 гг. он совмещал научную работу с преподавательской на кафедре Центральной Азии и Кавказа Санкт-Петербургского государственного университета, читая спецкурс «Феноменология кавказской культуры». Подготовка и чтение лекций отнимали много времени и отвлекали от основной научной деятельности, которая была смыслом всей его жизни. В результате он оставил преподавательскую деятельность и полностью погрузился в исследовательские проекты.

Кроме заведования отделом, Ю.Ю. Карпов в разные годы состоял в Ученом совете МАЭ РАН, Диссертационном совете МАЭ РАН, Ученом совете Российского этнографического музея, Ученом Совете Международного научно-исследовательского Института народов Кавказа (Тбилиси, Республика Грузия). Он также был председателем Государственной аттестационной комиссии кафедры социальной антропологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, членом редколлегии журнала «Известия Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований», членом редколлегии «Осетинской этнографической энциклопедии».

Ю.Ю. Карпов очень продуктивно занимался научной работой, которая отразилась в пяти монографиях и более чем в 200 статьях, очерках, тезисах и рецензиях. Особо хочется отметить его рецензии на труды коллег, которые сначала казались резковатыми, но его суждения по дискутируемой проблеме всегда были глубокими и объективными.

Хочется отметить большую редакторскую работу, выполненную Ю.Ю. Карповым, при подготовке к изданию кавказской части

статей в Лавровских сборниках. Сначала (2000–2005 гг.) это были небольшие тезисы докладов, но с 2006 г. это уже полноценные материалы чтений, которые он как научный редактор вычитывал, нередко даже исправляя справочный аппарат, чтобы не беспокоить авторов.

Сфера научных интересов Юрия Юрьевича была аккумулирована вокруг следующих исследований: мировоззренческие аспекты культуры народов Кавказа, традиционные социальные институты, современные социокультурные и этносоциальные процессы на Кавказе. Все это нашло отражение в его монографиях.

Первая монография Ю.Ю. Карпова «Джигит и волк» (СПб., 1996) положила начало исследованиям социально-исторического феномена мужских союзов в традициях народов, проживающих в горной части Большого Кавказа. Юрий Юрьевич смог в этой книге проследить роль и значение мужских союзов в социально-политической и обрядово-культурной сферах жизни народов Кавказа.

Следующее научное изыскание он посвятил женской субкультуре в традиционной общественной практике народов Кавказа. В центре его внимания находятся мировоззренческие основы жизнедеятельности социума, дающие возможность по-новому взглянуть на культурно-бытовые традиции населения региона, прямо и опосредованно связанные с женским миром: «Женское пространство в культуре народов Кавказа» (СПб., 2001).

В книге «Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана (СПб., 2007) рассматриваются вопросы формирования мировоззренческих составляемых культуры и их влияния на социально-политические практики населения горных районов Дагестана. Юрий Юрьевич сделал анализ системных начал восприятия представителями горско-дагестанского общества природной и социальной среды, что во многом определяло ценностные ориентации местной культуры и взаимодействие микрокосма данного общества с внешним миром.

Монография «Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI в.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы» (СПб., 2011, совместно с Е.Л. Капустиной) посвящена проблемам переселения жителей горных районов на равнину, в ходе чего происходит разрушение во многих отношениях уникальной культуры горцев. В книге рассматриваются изменения этнической карты республики и сопредельных с ней

субъектов Российской Федерации, начавшиеся со второй половины XX в. Отдельным блоком — исследования временной трудовой миграции дагестанцев за пределы республики.

Всю свою жизнь он посвятил изучению истории и этнографии народов Кавказа, уделяя пристальное внимание любой теме, к которой обращался.

Юрий Юрьевич оставил огромное научное наследие, к которому будут обращаться кавказоведы.

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Юрий Юрьевич регулярно ездил в экспедиционные поездки в различные регионы Кавказа, о чем свидетельствуют его отчеты о проделанной работе.

- 1981 — Цунтинский и Цумадинский р-ны Дагестанской АССР.
- 1982 — Северо-Осетинская АССР (Алагирский и Ирафский р-ны, Чечено-Ингушская АССР (Веденский и Советский р-ны).
- 1984 — Ставропольский край, Дагестанская АССР.
- 1985 — Цунтинский р-н Дагестанской АССР.
- 1988 — Цунтинский и Цумадинский р-ны Дагестанской АССР.
- 1989 — Чечено-Ингушская АССР.
- 1990 — Дагестанская АССР: Тляртинский, Ахтынский, Рутульский р-ны.
- 1997 — Западный Дагестан.
- 2000 — Адыгея и Кабардино-Балкарская Республика.
- 2003 — Лакский и Ахвахский р-ны Дагестана.
- 2004 — Дагестан.
- 2005 — Лакский, Кулинский, Агульский, Цумадинский, Цунтинский р-ны Республики Дагестан.
- 2006 — Республика Дагестан.
- 2007 — Цумадинский, Ботлихский, Кизилюртовский, Хасавюртовский р-ны Республики Дагестан.
- 2008 — Республика Дагестан и Ставропольский край.
- 2009 — Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Ставропольский край, Астраханская область.
- 2010 — Республика Дагестан, Республика Северная Осетия — Алания.
- 2011 — Республика Дагестан, Республика Северная Осетия — Алания.

С 2012 по 2014 гг. Юрий Юрьевич не ездил в экспедиционные поездки и работал в архивах кавказского региона над последней своей монографией.

Все полевые дневники и отчеты Ю.Ю. Карпова хранятся в архиве МАЭ РАН.

Экспедиционная поездка в Афганистан

В.А. Дмитриев говорит, что «целью поездки была подготовка к созданию в Герате, одном из красивейших городов Востока, Этнографического музея народов Афганистана, образцом был избран Российский этнографический музей и российские музееведческие подходы. Местом для будущего музея должно было стать здание городского водохранилища, построенное в XIV в., для которого предстояло спроектировать внутреннее наполнение. Все архитектурные работы брал на себя фонд Ага-хана — крупнейшее учреждение в области сохранения культуры исламских народов. Мы встречались с представителями фонда и высказали им наши представления о будущей конструкции музейного здания».

Автором концепции будущего музея в Афганистане был Ю.Ю. Карпов, который подробно описал жанр музея, его цели, задачи, актуальность. Он отмечал: «Создание музея может стать знаковым событием в современной истории Афганистана, которое сделает страну привлекательной для туристов и поможет изменить существующий в СМИ неоднозначный имидж государства».

Ниже приводится авторский материал Ю. Ю. Карпова: аннотация к созданию историко-этнографического музея в Афганистане, план работы на 2005 г., фотографии, привезенные из Афганистана.

АННОТАЦИЯ К СОЗДАНИЮ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В АФГАНИСТАНЕ

Природа любого музея определяется внутренним диалогом между наукой, обществом и государством. Проведенные в апреле 2004 г. переговоры с представителями заинтересованных сторон показали, что в настоящий момент в Афганистане сложилась ситуация совпадения интересов участников этого диалога.

Один из старейших городов и культурных центров Центральной Азии, Герат обладает богатейшим потенциалом для организации в нем историко-этнографического музея. Сохранившийся до настоящего времени комплекс городской застройки средневекового периода предоставляет уникальную возможность включения в его инфраструктуру подобного центра.

Актуальность создания музея

1) В Афганистане сохраняется уникальная ситуация живой этнографической действительности, которая в скором времени может исчезнуть под влиянием процессов тотальной глобализации. Поэтому необходимо скорейшее создание музея, который зафиксировал бы эту действительность.

2) Как никогда актуальной становится самоидентификация афганского общества, определения своего места в современном мире. Это возможно только при обращении к своему историческому прошлому и к этнографическим истокам, чему будет способствовать создание Музея.

3) Музей как институт репрезентации этнокультурного своеобразия Афганистана сможет участвовать в решении задачи формирования общеафганских этнических символов и национальной идеологии.

4) Создание Музея может стать знаковым событием в современной истории Афганистана, которое сделает страну привлекательной для туристов и поможет изменить существующий в СМИ неоднозначный имидж государства.

«Жанр» музея

Музею следует придать статус научно-исследовательского института ввиду отсутствия в Афганистане этнографических научных центров. Музей должен будет функционировать в тесной кооперации с местными музеями, учебными заведениями, научно-исследовательскими институтами.

Культурно-исторический контекст Афганистана — сохранение живой этнографической действительности и богатейшая история — диктует необходимость создания не чисто этнографического, а историко-этнографического музея. История рождения европейских музеев свидетельствует о том, что первоначально интерес возникает либо к чужой — «экзотической» — культуре, либо к своему историческому прошлому. Интерес к себе приходит после интереса к чужому. Этнография и соответственно музей как результат этого интереса возникают при наличии определенной культурной дистанции — пространственной (изучение культуры «экзотических» народов) или временной (изучение прошлого своей культуры).

Если в отношении прошлого Афганистана в общественном сознании имеется стойкий интерес, то традиционная культура «своего» народа в силу фонового характера (специфика Афганистана) не является предметом рефлексии общества. Поэтому появление музея сугубо этнографического профиля будет носить, вероятно, искусственный характер и, как следствие, не будет пользоваться большой популярностью у населения. Чтобы создающийся музей мог полноценно существовать, первоначально необходимо выделить два аспекта собирательской, исследовательской и экспозиционно-выставочной деятельности: а) исторический и б) этнографический.

Этнографическая составляющая музея будет востребована в том случае, если она будет нести на себе некоторый налет «экзотичности». Этнокультурная ситуация Афганистана — существование нескольких, относительно изолированных историко-культурных областей, резко отличающихся друг от друга, — позволит музею, при условии концентрации в его стенах всего, что есть достойного в остальных частях культурного пространства, стать важнейшим институтом формирования этнокультурной и гражданской самоидентификации населения страны. Репрезентация культуры «своих», но в то же время малознакомых народов различных провинций страны, сделает музей привлекательным для разных слоев населения Афганистана.

Расположение музея

Архитектурной основой музея должен стать построенный 380 лет назад городской резервуар, являющийся уникальным памятником архитектуры. Он располагается в квартале старого города — районе площади Шахар Су, где в настоящий момент начинает вестись активное строительство современного жилья, кардинально изменяющее облик старого города. С муниципальными властями Герата была достигнута предварительная договоренность о запрете нового строительства в выбранном для организации музея квартале. Также была создана инженерно-техническая рабочая группа для обследования здания.

Резервуар достаточно хорошо сохранился и не требует капитального ремонта. Его площадь составляет около 400 кв. м; высота здания — 16 м, что позволяет организовать экспозиционную площадь на двух уровнях. В состав музея также войдут прилегающие к резервуару торговые пассажи и духаны, построенные в XVIII–XIX веках.

Задачи Музея

- Выявление, сбор, изучение и экспонирование памятников культуры.
- Мониторинг и сохранение памятников культуры.
- Просветительская деятельность среди населения страны и в первую очередь молодежи.
- Аргументация идеологических основ национальной политики страны.
- Формирование нового имиджа страны в мировых СМИ, так как создание и полноценное функционирование подобного музея предполагает политическую стабильность в обществе в текущий момент и в перспективе.
- Популяризация культурных достижений афганского народа в мировом сообществе.
- Привлечение в страну и в город Герат иностранных туристов. Знаменитый на весь мир своими памятниками архитектуры Герат с созданием музея обретет дополнительную привлекательность для туристов, ибо Афганистан последние десятилетия являлся закрытой и почти неизвестной страной.

С учетом отмеченного музей должен быть построен на высоком современном техническом, научном, дизайнерском уровне при обязательном сохранении традиционного колорита старого города. Необходимы «музеефикация» культурного пространства вокруг музея и прилегающих к нему кварталов, создание пешеходной зоны.

ПЛАН РАБОТЫ НА 2005 г.

І этап

Выезд группы музейных экспертов (сотрудники Российского этнографического музея: научные сотрудники — к.и.н. Д.А. Баранов, к.и.н. В.А. Дмитриев, д.и.н. Ю.Ю. Карпов; музейный дизайнер В.А. Глазков) в город Герат для реализации пилотного проекта по созданию Историко-этнографического музея.

1.

- обследование помещений для создания экспозиций музея
- обследование помещений для организации служб, в первую очередь фондохранилища музея

- консультации с официальными лицами, представителями деловых кругов, научной общественности, студентами города и провинции Герат по вопросам организации и функционирования музея
  - создание музейной рабочей группы
- Сроки:* 20-е числа апреля — май 2005 г.

2.

Начало комплектования фондов музея (сбор экспонатов и материалов).

Районы работ: Герат, Паншер, Бамиан, Балх, (возможны изменения).

- организация хранения приобретенных экспонатов во временном помещении в Герате, составление актов временного хранения поступлений
- организация в Герате выставки поступлений

Сроки: первая половина мая 2005 г.

II этап

1. Формулирование концепции Историко-этнографического музея.

2. Составление плана организации музейных служб и научной части ГЭМНЦ.

Сроки: май — декабрь 2005 г.

Исполнители: сотрудники Российского этнографического музея — директор РЭМ Владимир Моисеевич Грусман, Д.А. Баранов, В.А. Дмитриев, Ю.Ю. Карпов, В.А. Глазков совместно с представителями научных кругов Герата и других провинций Республики Афганистан.

III этап

1. Стажировка научно-музейных сотрудников музея в Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург). Два-три человека.

Сроки: Сентябрь — октябрь 2005 г.

2. Подготовка к организации и проведение выставки «Возвращение в Афганистан» в Российском этнографическом музее

(на основе коллекционных сборов, произведенных сотрудниками РЭМ в Республике Афганистан в апреле-мае 2005 г.

Заведующий отделом этнографии русских Д.А. Баранов.

Ведущий научный сотрудник РЭМ Ю.Ю. Карпов.

(К великому сожалению, проделанная работа не нашла претворения в жизнь, но в архиве Ю. Ю. Карпова хранятся аннотированные 110 фотографий привезенные с этой поездки, которые ждут своих исследователей.)

ФОТОГРАФИИ, ПРИВЕЗЕННЫЕ ИЗ АФГАНИСТАНА

№1. Аэропорт города Кабул. Взлетное поле. На переднем плане фигуры мужчин. Возле стены одной из построек аэровокзального комплекса сидящие на корточках люди, собирающиеся совершить хадж в Мекку. Слева — мужчины, справа — женщины.

№ 2. Город Кабул. Вид от гостиницы «Интерконтиненталь». Жилые (одно- и двухэтажные) постройки на склоне горы. На переднем плане большое здание комплекса политехнического института, построенного в 1970-е годы советскими специалистами.

№ 3. Город Кабул. Одно- и двухэтажные жилые постройки на склоне горы. На переднем плане большое здание комплекса политехнического института, построенного в 1970-е годы советскими специалистами.

№ 4. Город Кабул. Жилые постройки на склоне горы, расположенной в центре города. Склон пересекает идущая сверху вниз улица, вдоль склона горы проходит одна из главных улиц города, на ней автомобили и автобус.

№ 5. Город Кабул. Квартал жилой застройки, расположенной на склоне горы в центре города. Постройки расположены ярусами. На переднем плане идущая вдоль склона большая оживленная улица, расположенные на ней навесы для ожидающих транспорта и торговые ларьки.

№ 6. Город Кабул. Квартал жилой застройки на склоне горы в центре города. Постройки расположены ярусами. На вершине горы стена и две башни крепости.

№ 7. Улица города Кабул — на переднем плане легковые автомобили. На втором плане гора, застроенная жилыми домами, расположенными ярусами.

№ 8. Площадь города Кабула. На переднем плане справа фигуры полицейских (видны их головы за легковым автомобилем), слева от автомобиля ребенок. В центре площади памятник, воздвигнутый в честь победы над английскими войсками. По площади движутся грузовой автомобиль и велосипедист.

№ 9. Сцена на улице перед одной из гостиниц города Кабул. Перед входом в кафе гостиницы стоят военный в форме, мужчина средних лет и молодой человек, двое последних одеты в традиционную одежду, поверх которой на молодом человека надета кожаная куртка, на мужчине — кожаная безрукавка. В левой части снимка уличный торговец, присевший на корточки. Рядом с ним стоят двое мальчиков.

№ 10. Город Кабул. Лавки уличной торговли. В центре пекарня, торгующая хлебом, перед ней стоит мужчина, раскладывающий хлеб перед пекарней на дощатый настил на ножках. Слева от хлебопекарни лавка, в которой торгуют сладкой выпечкой. Перед ней стоит торговец рыбой.

№ 11. Хлебопекарня в Кабуле. В центре земляная печь, из которой один из работников (которого не видно) достает два свежеспеченных хлеба. За печью сидит пекарь (его голова обмотана платком), готовящийся опустить в печь следующий хлеб. Справа от него молодой мужчина, раскатывающий хлебные лепешки.

№ 12. Открытый лоток хлебопекарни со свежеспеченной продукцией. Хлебные лепешки круглой и вытянутой формы. Окно пекарни открыто, через него видна фигура пекаря и его помощника.

№ 13. В пекарне города Кабул. В углу помещения сидит мастер, взвешивающий на ручных весах куски теста, перед ним разложены порции теста, рядом с ним большое металлическое корыто для замешивания теста. На переднем плане юноша, помогающий мастерам в пекарне.

№ 14. Продавец рыбы. Мужчина средних лет стоит перед ларьками, торгующими сладкой выпечкой и другими продуктами, к стене одного ларька наклонно прислонен настил, покрытый страницами журнала, на котором разложена рыба. Несколько тушек рыбы подвешено на веревках.

№ 15. Уличный торговец (юноша), продающий куриные яйца — в руках держит три формы с ячейками, в которых лежат яйца (формы поставлены одна на другую). Яйца — крашенные светлорозовой краской. Рядом с ним стоят трое мальчиков, за ними юно-

ша и молодой мужчина. На заднем плане легковой автомобиль, автофургон и джип.

№ 16. Сцена на городской площади Кабула. С полицейскими в форме и военным разговаривает мужчина в белом плаще. На переднем плане двое молодых людей.

№ 17. Базар в одном из районов Кабула в пятницу. На переднем плане торговец картофеля и репчатого лука. Его товар разложен на деревянной повозке. Сам он сидит на стуле возле повозки. Слева от повозки трое молодых людей. На заднем плане рядами и стопками сложенные мешки с картофелем. Над ними летающий в небе воздушный змей. В левой части снимка — постройки торгового ряда.

№ 18. Базар в одном из районов Кабула в пятницу. На переднем плане мужчина средних лет, мальчик и две девушки. На втором плане постройки торговых рядов. В небе — воздушный змей.

№ 19. Жилище семьи в развалинах индустриальной постройки в центре Кабула. Между железобетонными опорами стоят две коровы (к морде одной из коров прикреплены амулеты из разноцветной шерсти). На втором плане трое детей. На заднем плане палатка, служащая жильем семьи.

№ 20. Кладбище на одной из улиц в центре Кабула. В центре — могильные холмики, к некоторым из которых прикреплены шесты с подвязанными флагами различного цвета. Справа — передняя часть легкового автомобиля желтой окраски. Снимок сделан из окна легкового автомобиля во время движения (верх снимка черный).

№ 21. Пятничный базар в одном из районов Кабула. На переднем плане подвешенная на крюках, ободранная и опаленная туша барана, справа от нее на крюках весят куски мяса баранов.

№ 22. Колодец на участке жилого дома Кабула. Колодец — врытые в землю бетонные кольца. Колодец имеет приспособление для опускания ведра. Возле колодца стоят В.А. Дмитриев и хозяин дома. На верхнем венце колодца поставлено ведро, изготовленное из автомобильной покрывки. На заднем плане — глинобитная стена соседнего участка.

№ 23. Самовар хозяев одного из домов Кабула. Самовар представляет собой цилиндрический корпус, внешняя оболочка которого из оцинкованного железа, с левой стороны — ручка, сверху раструб для трубы, справа — носик. Снимок сделан во дворе дома в темное время суток.

№ 24. Одна из частей участка жилого дома в Кабуле. Снимок сделан с крыши жилого дома. На переднем плане дворик жилого комплекса и незавершенные постройки, за ними постройки соседних участков и панорама одного из районов Кабула.

№ 25. Сцена в доме Кабула. В жилой комнате вокруг расстеленного в центре большого ковра сидят (слева направо) двое мальчиков, маленькая девочка, женщина средних лет (ранее упомянуты ее дети), девушка (приезжая из России, отец которой афганец, женщина — сестра отца девушки), девушка (европейского типа), приехавшая на работу из Узбекистана, молодой человек из Голландии. За сидящими тремя последними из перечисленных — большое окно. Все сидят перед ковром, перед тремя последними стаканы с чаем и угощение (пареный горох, орешки на тарелках).

№ 26. Кабул. Экспонат национального музея Афганистана. Каменное (из белого камня) изваяние в форме нераскрывшегося гриба, установленное на цементном пьедестале. Линия бороздки в средней части изваяния повторяет лямбдовидную кривую, ниже нее прямая линия по окружности изваяния. Изваяние, согласно сопроводжающей его таблички, лингам, обнаруженный в IX в. по Р.Х. в провинции Хиндошафил.

№ 27. Кабул. Экспонат национального музея Афганистана. Деревянная антропоморфная фигура из провинции Нуритсан. Фигура в полный рост: на голове прямоугольной формы наверхия, борода изображена в виде опускающегося от лица прямоугольника, черты лица резко профилированы. Вид анфас слева.

№ 28. Кабул. Экспонат национального музея Афганистана. Деревянная антропоморфная фигура из провинции Нуритсан. Фигура в полный рост: на голове прямоугольной формы наверхия, борода изображена в виде опускающегося от лица прямоугольника, черты лица резко профилированы. Вид анфас, чуть справа. Хорошо видны руки фигуры, элементы одежды.

№ 29. Экспонат национального музея Афганистана. Деревянная антропоморфная фигура из провинции Нуритсан. Фигура в полный рост: черты лица резко профилированы, на голове — остроконечный колпак, руки резко профилированы, нижняя часть тела изображена достаточно схематично. Деревянная скульптура сзади поддерживается подпорками. Вид анфас, чуть слева.

№ 30. Экспонат национального музея Афганистана. Деревянная антропоморфная фигура из провинции Нуритсан. Фигура

в полный рост: черты лица резко профилированы, на голове — остроконечный колпак, руки профилированы, сложены на животе, нижняя часть тела изображена схематично. Деревянная скульптура сзади поддерживается подпорками. Вид слева.

№ 31. Экспонат национального музея Афганистана. Деревянная резная конструкция (из цельного куска дерева) из провинции Нуритсан с элементами антропоморфных изображений. Верхняя часть конструкции — навершие антропоморфной фигуры в виде перевернутого конуса, ниже цилиндрической формы элемент, ниже — лицо фигуры, ниже — части тела последней (читаются нечетливо). Конструкция установлена в деревянном подиуме.

№ 32. Экспонат национального музея Афганистана. Экспонат из провинции Нуристан. Резная деревянная дверь. Элементы резьбы: по двум сторонам — резьба «плетенка» из ромбов, в центральной части — вертикально расположенная цепочка голов животных.

№ 33. Экспонат национального музея Афганистана. Экспонат из провинции Нуристан. Резная деревянная дверь. Элементы резьбы — головы рогатых (ушастых — ?) животных, расположены двумя вертикальными цепочками по сторонам двери, в средней ее части — рельефная резьба в виде голов животных (?).

№ 34. Экспонат национального музея Афганистана. Экспонат из провинции Нуристан. Деревянная фигура всадника на лошади. На голове всадника остроконечный колпак. На заднем плане другие экспонаты экспозиции.

№ 35. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Фигура сидящего мужчины. На голове фигуры остроконечный колпак, Руки отсутствуют, левая нога тоже, на груди крестообразное пересечение «лент», на месте пересечения — круглой формы «бляха».

№ 36. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Фигура мужчины из дерева в полный рост. На голове мужчины головной убор сложной формы, черты лица резко профилированы, одет в богатую одежду (видны элементы декора), на правом плече мужчины топорик. Деревянная скульптура установлена на подиуме, ее поддерживает подпорка.

№ 37. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Фигура сидящего мужчины из дерева. На голове мужчины головной убор сложной конструкции, руки фигуры сложены в центре живота. Фигура установлена на подиуме.

№ 38. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Фигура мужчины из дерева в полный рост. На голове мужчины головной убор сложной формы — тюрбан с конусообразным навершием, черты лица человека резко профилированы, руки сложены на животе, переданы элементы одежды. Фигура установлена на подиуме.

№ 39. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Резная деревянная дверь. Элементы резьбы — головы ушастых (?) животных (уши мохнатые), расположены на всей плоскости двери.

№ 40. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Резная деревянная дверь. Элементы резьбы — лицо человека (?) в нижней части двери, от которой поднимаются две «косы» (?) в виде плетенки, в верхней части двери между ними круглая розетка.

№ 41. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянная антропоморфная фигура сложной конструкции. Фигура сидячая. На голове фигуры убор сложной конструкции — перевернутый конус, опирающийся на корытоподобную форму. Фигура укреплена в подиуме.

№ 42. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянная антропоморфная фигура — сидящий верхом на длиннорогом козле человек. На месте головы человека нечто тыквообразное, черты лица изображены на плоскости, помещенной между рогов животного. Фигура животного относительно фигуры человека малых размеров. Скульптурная группа установлена на подиум. Вид анфас.

№ 43. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянная антропоморфная фигура — сидящий верхом на длиннорогом козле человек. На месте головы человека нечто тыквообразное, черты лица изображены на плоскости, помещенной между рогов животного. Фигура животного относительно фигуры человека малых размеров. Скульптурная группа установлена на подиум. Вид сбоку.

№ 44. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянная деталь кровати — резной столбик, располагающийся в углу конструкции кровати. Верхняя часть столбика — две фигуры людей, повернутых лицами друг к другу и обнявшихся руками. На головах фигур высокие головные уборы. Нижняя

часть столбика четырехгранная, резная, узор — ромбовидная плетенка. Подобные столбики обрамляли по углам кровать, на которой встречались ночами по очереди проживавшие в доме супружеские пары.

№ 45. Экспонаты национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянные резные столбики, расположенные возле стены музейного зала между двумя шторами.

№ 46. Экспонаты национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянные резные композиции, каждая из которых представляет собой две соединенные руками, ногами, животами человеческие фигуры. Две боковые композиции расположены на достаточно высоких резных вертикальных столбиках, столбик срединной фигуры небольшой. Подобные столбики обрамляли по углам кровать, на которой встречались ночами по очереди проживавшие в доме супружеские пары.

№ 47. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянное резное кресло. Две стороны кресла имеют спинки — резные доски, по их углам три наверхия. Сиденье кресла — плетенное из полосок кожи.

№ 48. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянный резной столбик, расположенный возле стены музейного зала между двумя шторами.

№ 49. Экспонаты национального музея Афганистана из провинции Нуристан. На небольшом столике расставлены деревянная резная чаша с носиком-горлышком, металлический треножник, ваза из лозы.

№ 50. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Верхние части двух фигурок людей, расположенные на наверхии кроватного столбика. Лица фигурок обращены друг к другу. На головах фигурок головные уборы — тюрбаны с конусообразными наверхиями. У правой фигурки наверхие головного убора усеченной формы. По наверхию определяется пол фигурки. Соответственно правая — женская, левая — мужская. Расположение фигур изображает соитие мужчины и женщины (мужа и жены).

№ 51. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Две фигурки людей, расположенные на наверхии кроватного столбика. Фигурки обращены друг к другу, их руки и ноги переплетены. На головах фигурок головные уборы — тюрбаны с конусообразными наверхиями. У правой фигурки наверхие

головного убора усеченной формы. По навершию определяется пол фигурки. Соответственно правая — женская, левая — мужская. Расположение фигур изображает соитие мужчины и женщины (мужа и жены).

№ 52. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Нижняя часть фигурок (см. № 51). Под ягодицами правой фигурки (то же и на левой, которую не видно на фото) вырезаны две птички, пеликаны, по пояснению сотрудника музея, пеликан кормит своих птенцов из клюва и потому является символом продолжения рода.

№ 53. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянная фигура человека с немного согнутыми ногами. Отличительная особенность данной фигуры — наличие непропорционально большого и вытянутого носа. На голове фигуры головной убор конической формы с уплощенным завершением больших размеров.

№ 54. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянный резной столбик, расположенный возле стены музейного зала между двумя шторами.

№ 55. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянный резной столбик (см. № 54), расположенный возле стены музейного зала между двумя шторами. Вид сбоку.

№ 56. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянная антропоморфная фигура — сидящий верхом на длинноногом козле человек (см. № 43). Вид сзади.

№ 57. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Резное деревянное навершие кресла, представляющее собой изображение двух антропоморфных фигур. На втором плане на столе стоит деревянный сосуд.

№ 58. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Резное деревянное навершие кресла, представляющее собой изображение двух антропоморфных фигур. На втором плане на столе стоит деревянный сосуд.

№ 59. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Деревянное кресло с одним сохранившимся угловым столбиком с резным навершием.

№ 60. Экспонаты национального музея Афганистана из провинции Нуристан (см. № 46). Деревянные резные композиции, каждая из которых представляет собой две соединенные руками,

ногами, животами человеческие фигуры. Две боковые композиции расположены на достаточно высоких резных вертикальных столбиках, столбик срединной фигуры небольшой. Подобные столбики обрамляли по углам кровать, на которой встречались ночами по очереди проживавшие в доме супружеские пары.

№ 61. Фрагмент экспозиции национального музея Афганистана с экспонатами из провинции Нуристан. На переднем плане вырезанная из дерева фигура сидящего человека. На заднем плане деревянные двери, резной столбик.

№ 62. Экспонат национального музея Афганистана. Деревянная резная конструкция (из цельного куска дерева) с элементами антропоморфных изображений из провинции Нуристан (см. № 31). Верхняя часть конструкции — навершие антропоморфной фигуры в виде перевернутого конуса, ниже цилиндрической формы элемент, ниже — лицо фигуры, ниже — части тела последней (читаются неотчетливо). Конструкция установлена в деревянном подиуме.

№ 63. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан (см. № 39). Резная деревянная дверь. Элементы резьбы — головы ушастых (?) животных (уши мохнатые), расположены на всей плоскости двери.

№ 64. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан (см. № 40). Резная деревянная дверь. Элементы резьбы — лицо человека в нижней части двери, от которой поднимаются две «косы» (?) в виде плетенки, в верхней части двери между ними — розетка.

№ 65. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Резная из дерева фигурка старика, сидящего верхом на медведе (?) — навершие столбика спинки кресла.

№ 66. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Резное деревянное кресло. Спинка кресла имеет навершие: одно в виде старика, сидящего верхом на медведе (?), см. № 65), второе — из геометрических конструкций. Сиденье из переплетенных бечевек.

№ 67. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Резная деревянная дверь. Элементы резьбы — две плетенки ромбовидных фигур, в средней части вертикальная выступающая резная конструкция.

№ 68. Экспонат национального музея Афганистана из провинции Нуристан. Резная деревянная дверь (см. № 67). Элементы резь-

бы — две плетенки ромбовидных фигур, в средней части вертикальная выступающая резная конструкция. Вид сбоку.

№ 69. Экспонат национального музея Афганистана на экспозиции исламского искусства. Вырезанная из мягкого камня светлого цвета фигурка мальчика, скачущего (?) верхом на теленке. Фигурка поставлена на бархатистую материю синего цвета. Вид сверху.

№ 70. Экспонат национального музея Афганистана на экспозиции исламского искусства. Вырезанная из мягкого камня светлого цвета фигурка мальчика, скачущего (?) верхом на теленке. Фигурка поставлена на бархатистую материю синего цвета. Вид сбоку.

№ 71. Экспонат национального музея Афганистана на экспозиции исламского искусства. Бронзовый светильник в виде безголового хищного животного. Светильник стоит на бархатистой материи синего цвета. Вид сбоку.

№ 72. Экспонат национального музея Афганистана на экспозиции исламского искусства. Бронзовый светильник в виде безголового хищного животного. Светильник стоит на бархатистой материи синего цвета. Вид сверху.

№ 73. Фрагменты буддийской скульптуры в лаборатории реставрации национального музея Афганистана.

№ 74. Кабул. Уличная торговля — современные женские платья в этностиле, вывешенные возле магазина. Слева платье в красных тонах, по середине — платье в желто-зеленых тонах, справа — в коричнево-фиолетовых.

№ 75. Кабул. Уличная торговля — современные женские платья в количестве семи единиц в этностиле, вывешенные возле магазина. На переднем плане велосипед.

№ 76. Кабул. Современные женские платья в этностиле, вывешенные возле магазина: два бархатных бордового цвета и справа коричневой и зеленой окраски.

№ 77. Кабул. Современные женские платья в этностиле в магазине. На манекенах развешено в ряд шесть платьев разного цвета с нагрудными вставками вышивки.

№ 78. Кабул. Современные женские платья в этностиле в магазине. На манекенах развешено в ряд шесть платьев разного цвета со вставками парчовой материи и вышивкой по подолу, на груди, на рукавах.

№ 79. Кабул. Современные платья для девочек в этностиле в магазине. Справа манекен, на который надето женское платье.

№ 80. Кабул. Магазин ювелирной, антикварной и сувенирной продукции. На верхней полке зеркала в деревянных рамах, на второй и третьей полках изделия из дерева и металла, перед ними развешено оружие.

№ 81. Кабул. Магазин ювелирной, антикварной и сувенирной продукции. На верхней полке лежат сложенные стопками изделия из шерсти (носки, сумки и т.п.), на второй полке шкатулки из дерева и др., на третьей полке изделия из стекла и фарфора, на нижней полке женские браслеты из металла.

№ 82. Кабул. Современная женская верхняя одежда, вывешенная возле магазина, четыре изделия в этностиле.

№ 83. Кабул. Современные женские платья в этностиле в магазине. На манекенах развешено в два ряда шесть платьев разного цвета со вставками парчовой материи и вышивкой по подолу, на груди, на рукавах в верхнем ряду, и несколько платьев в нижнем (видна только их верхняя часть).

№ 84. Кабул. Современные платья для девочек в этностиле в магазине. Выше них развешены женские платья (видны только их подолы).

№ 85. Кабул. Магазин ювелирной, антикварной и сувенирной продукции. Витрины с бусами, ювелирными украшениями, художественными изделиями из дерева (два больших деревянных панно из Пакистана).

№ 86. Кабул. Современные платья для девочек в этностиле в агазине. Выше них развешены женские платья (видны только их подолы).

№ 87. Кабул. Магазин ювелирной, антикварной и сувенирной продукции. Витрины с бусами, ювелирными украшениями, художественными изделиями из дерева (два больших деревянных панно из Пакистана).

№ 88. Горы Гиндукуш из иллюминатора самолета во время перелета из Кабула в Герат. Горизонтальный снимок.

№ 89. Горы Гиндукуш из иллюминатора самолета во время перелета из Кабула в Герат. Вертикальный снимок.

№ 90. Панорама центральной части города Герат со склона горы (местность Тахтасафар), расположенной в его окрестностях, в утреннее время.

№ 91. Панорама восточной части города Герат со склона горы (район Тахтасафар), расположенной в его окрестностях, в утреннее

время. В левой части — объекты строительства гератского университета, в центре минареты средневекового комплекса Мусула.

№ 92. Город Герат. Арк — крепость на горе в центре города. Мощеный проезд внутри внешней линии крепостных стен, ведущий к центральной верхней части арка. По проезду идет молодой мужчина. В верхней части кадра башни арка.

№ 93. Внутренней двор нижней части арка. Слева здание казарм. Возле них бронемашина американских войск, между зданиями проходит местный житель.

№ 94. Развалины построек, расположенных в верхней части арка. За постройками — крепостные стены, отреставрированные двадцать лет назад.

№ 95. Стены и башни центральной верхней части арка. В центре кадра трое мужчин, направляющихся к стене крепости.

№ 96. Герат. Вид на один из кварталов старой части города со стен арка. В центре кадра комплекс построек одной из мечетей. На переднем плане — одна из улиц, на которой производится торговля.

№ 97. Герат. Вид на один из кварталов старой части города со стен арка. Регулярная застройка квартала жилыми домами. На переднем плане улица.

№ 98. Герат. Вид на один из кварталов старой части города со стен арка. Регулярная застройка квартала жилыми домами. Дома из сырцового кирпича.

№ 99. Герат. Вид на один из кварталов старой части города со стен арка. Регулярная застройка квартала жилыми домами. На переднем плане один из жилых домов с оштукатуренными и окрашенными белой краской стенами.

№ 100. Герат. Общественный резервуар для воды, построенный несколько сотен лет назад, реставрация которого только что завершена. Справа от него торговые ряды. Вид со стен арка.

№ 101. Герат. Одна из площадок верхней части арка с оборонительными сооружениями. На площадке расположено советская противотанковое орудие.

№ 102. Герат. Оборонительные сооружения арка. На дальнем плане главные стены и башни арка.

№ 103. Герат. Общественный резервуар для воды, построенный несколько сотен лет назад. Рабочие, производящие реставрационные работы на крыше сооружения.

№ 104. Герат. Жилые дома одного из центральных кварталов города.

№ 105. Герат. Печь стеклодува в одном из помещений арка. Глинобитное сооружение круглой формы, перед ним (соединенная с ним) меньших размеров глинобитная конструкция с фигурными гранями из глины, углублениями и др. На печи и возле нее стоят сосуды знаменитого гератского стекла и лежат осколки разбитых сосудов.

№ 106. Герат. Мастер-стеклодув стоит возле печи.

№ 107. Герат. Часть печи стеклодува. Глинобитная конструкция округлой формы с выступающими гранями и углублениями в округлой форме конструкции.

№ 108. Герат. Солдаты американских войск на двух бронемашинах на территории арка. Перед бронемашинами стоит молодой человек — местный житель.

№ 109. Герат. Кладбище в одном из районов города. Могильные холмики, на некоторых из них памятники, и деревья.

№ 110. Герат. Кладбище в одном из районов города. Мечеть на территории кладбища, обнесенная глинобитной оградой. Внутри ограды рядом с мечетью большие хвойные деревья (сосны). На переднем плане несколько могил, расположенная в правой части кадра имеет металлическую оградку, на расположенной в центре — небольшой памятник — каменная плита.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ

Монографии

1. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 312 с.
2. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 414 с. Переиздание: Нальчик, изд-во М. и В. Котляровых (в серии «Кавказ»; Вып. 10), 2013. 408 с.
3. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 656 с.
4. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI в.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., «Петербургское востоковедение», 2011. 448 с. + 1 л. илл. (совместно с Е.Л. Капустиной).
5. Джигиты // Джигиты. Абреки. Нальчик: изд-во М. и В. Котляровых, 2014. С. 3–252 (совместно с Ю.М. Ботяковым).

Ответственный редактор:

1. Материалы полевых этнографических исследований (1988–1989 гг.) СПб.: МАЭ РАН, 1992. 180 с.
2. Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 2000–2001 гг. Краткое содержание докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2002 (совместно с В.П. Курьлевым). 195 с.
3. Гильденштедт Иоганн-Антон. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. (Пер. с немецкого Т.К. Шафрановской). Комментарии, предисловие, общая редакция, указатели. 506 с.
4. Северный Кавказ: Человек в системе социокультурных связей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 364 с.
5. Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 2004–2005 гг. Тез. докл. СПб.: МАЭ РАН, 2005 (совместно с И.В. Стасевич). 148 с.

6. Лавровский сборник. Материалы среднеазиатско-кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007. СПб.: МАЭ РАН, 2007. (совместно с И.В. Стасевич). 294 с.
7. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2007. 711 с.
8. Кисель В.А. Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII — начало XXI в. СПб.: Наука, 112 с.
9. Лавровский сборник. Материалы XXXIII среднеазиатско-кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2008–2009. СПб.: МАЭ РАН, 2009 (совместно с И.В. Стасевич). 476 с.
10. Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. Преемственность и разрывы в социокультурных практиках. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 496 с.
11. Этнокалендарь Санкт-Петербурга 2011 г. Календарь памятных дат, событий и праздников в культурных традициях жителей Санкт-Петербурга. СПб.: Фрегат, 2010 (совместно с Е.С. Протанской). 224 с.
12. Албогачиева М. С.-Г. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — первой трети XX в. СПб.: Наука, 2011. 178 с.
13. Лавровский сборник. Материалы XXXIV–XXXV среднеазиатско-кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2010–2011. СПб., 2011 (совместно с М.Е. Резван). 510 с.
14. Этнокалендарь Санкт-Петербурга 2012 г. Календарь памятных дат, событий и праздников в культурных традициях жителей Санкт-Петербурга. СПб.: Фрегат, 2011 (совместно с Е.С. Протанской). 228 с.
15. Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. 406 с.
16. Лавровский сборник. Материалы XXXVI–XXXVII среднеазиатско-кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2012–2013. СПб.: МАЭ РАН, 2013 (совместно с М.Е. Резван). 624 с.

Статьи и тезисы докладов:

1. Кавказские этнографические материалы П.Г. Буткова // Крат. сод. докл. среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1981 г. Л., 1981. С. 26–27.
2. Общинный зимний праздник у цезов // Советская этнография. 1983. № 3. С. 114–119; То же: The Communal Winter Festival among the Tsezy // Soviet Anthropology and Archeology. 1983. Vol. 22, no. 2. P. 37–48.
3. Сельская община у цезов в конце XIX в. // Крат. сод. докл. среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1983 г. Л., 1983. С. 10–12.
4. Некоторые аспекты этнокультурных процессов в «вольных» обществах Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. // Крат. сод. докл. среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1983 г. Л., 1983. С. 5–6.
5. Народные собрания и старшины в «вольных» обществах Северной Осетии в XVIII — первой половине XIX в. // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 102–118.
6. Поселения и община в «вольных» обществах Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в. // Крат. сод. докл. среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1985 г. Л., 1986. С. 17–18.
7. Сельская община горных районов Чечни и Дагестана в конце XIX в. // Полевые исследования Института этнографии. 1982. М., 1986. С. 82–89.
8. Среднеазиатско-кавказским чтениям — десять лет // Советская этнография. 1986. № 6. С. 137–140 (совместно с Э.Х. Панеш).
9. «Союзы неженатых» в традиционных праздниках и обрядах народов Дагестана // Всесоюзная сессия по итогам полевых этногр. и антропол. иссл. 1984–1985 годов: Тез. докл. Йошкар-Ола, 1986. С. 130–131.
10. Архаическая символика на надмогильных памятниках Дагестана // Крат. сод. докл. среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1986 г. Л., 1987. С. 34–35.
11. Традиционный социальный институт «кор» у цезов // Крат. сод. докл. среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1987 г. Л., 1988. С. 16–18.

12. Персонажи шайтлинского праздника игби: атрибуты костюмов и общественные функции // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л., 1989. Т. 43. С. 133–152.
13. Исторические предания цезов // Новое в этнографии. Полевые исследования. М., 1989. Вып. 1. С. 90–96.
14. О характере социальных движений в дагестанских «вольных» обществах в XV–XVIII вв. // Этнография, антропология и смежные дисциплины: Соотношение предмета и методов. М., 1989. С. 112–121.
15. Грузинская советская социалистическая республика. Метод, материалы. Л., 1989. 32 с. (совм. с И.А. Соболев)
16. К социальной природе хевсурского института хелосани // Крат. сод. докл. среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1988 г. Л., 1990. С. 27–29.
17. К проблеме ингушской автономии // Советская этнография. 1990. № 5. С. 29–33.
18. Опыт национально-государственного строительства и современные этнические процессы на Северном Кавказе // Межнациональные отношения и национальная политика в СССР. Всесоюз. науч. конф. «Национальные и социально-культурные процессы в СССР»: Тез. докл. Омск, 1990. С. 205–206.
19. Традиция мужских союзов у народов Кавказа // Крат. сод. докл. среднеазиатско-кавказских чтений. Май 1989 г. М., 1990. С. 36–38.
20. Иоганн Антон Гильденштедт — путешественник и ученый // Крат. сод. докл. среднеазиатско-кавказских чтений. Май 1989 г. М., 1990. С. 58–59 (совместно с Т.К. Шафрановской).
21. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М., 1990. Вып. 1. С. 7–31.
22. «Каменные головы» из дагестанского селения Сагада // Советская этнография. 1991. № 3. С. 123–125.
23. К семантике декора мемориальных сооружений Кавказа // Восток: Прошлое и будущее народов: Тез. докл. и сообщ. IV Всесоюз. конф. востоковедов. Махачкала, 1991. М., 1991. Т. 1. С. 178–180.
24. Пережитки инициаций в социокультурной традиции вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюз. науч. конф.: Тезисы докл. и сообщ. Шатой, 1991. С. 44–45.

25. К вопросу об эволюции традиционных социальных институтов в горской общине (институт «кор» в Западном Дагестане) // Этнокультурные процессы: Традиции и современность. Л., 1991. С. 227–239.
26. Воспитание детей первого года жизни у народов Западного Дагестана // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. Л., 1991. Ч. 1. С. 59–67 (совместно с Е.Б. Кочетовой).
27. Предисловие // Материалы полевых этнографических исследований 1988–1989 гг. СПб., 1992. С. 3–5.
28. К характеристике межнациональных отношений в Чечено-Ингушетии в связи с проблемой ингушской автономии // Материалы полевых этнографических исследований 1988–1989 гг. СПб., 1992. С. 46–57.
29. К характеристике социальных функций горской мечети // Крат. сод. докл. Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1990–1991 гг. СПб., 1992. С. 43–45.
30. Об одном принципе социокультурного моделирования традиционного общества (по материалам народов Кавказа) // Крат. сод. докл. Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1990–1991 гг. СПб., 1992. С. 45–47.
31. Судьба малых народов Дагестана в контексте социально-политических процессов // Этнические проблемы развития национальных отношений. Владикавказ, 1992. С. 116–121.
32. Оборотничество на Кавказе // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1993. Вып. 1. С. 49–59.
33. Мужские союзы в социокультурной традиции горских народов Кавказа // Этнос и этнические процессы. М., 1993. С. 199–212.
34. Оборотничество: Мифологический и социальный аспекты // Крат. сод. докл. Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1992 г. СПб., 1993. С. 55–57.
35. О функциональном значении некоторых элементов традиционной обрядности и общественного быта у народов Западного Дагестана // Этнографическая наука и этнокультурные процессы: Способы взаимодействия. СПб., 1993. С. 124–136.
36. Маска и образ // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993. С. 16–27.
37. Горская мусульманская школа: социокультурный аспект исследования // Материалы полевых этнографических исследований 1991 г. СПб., 1993. С. 68–76.

38. Межнациональные отношения на Северо-Восточном Кавказе // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. СПб., 1994. С. 7–33.
39. К интерпретации одного изобразительного сюжета на надмогильных памятниках Дагестана // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1994. Вып. 5–6. С. 99–118.
40. К социально-мифологическим мотивам преданий об убиении стариков // Крат. сод. докл. Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений 1993 г. СПб., 1994. С. 58–59.
41. Заметки о традиционном общественном быте цахуров // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 1996. Вып. 3. С. 5–18.
42. Сказочные сюжеты об утратившем нос муже, коварной жене и материалы кавказской этнографии // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1996. Вып. 10. С. 100–117.
43. Александр Вильямович Гадло: К 60-летию со дня рождения // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия. СПб., 1997. С. 5–14 (совместно с И.Я. Фрояновым, В.А. Козьминым).
44. О модели календарной обрядности годового цикла у народов Кавказа // Крат. сод. докл. Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений. 1994–1995 гг. СПб., 1997. С. 59–61.
45. О знаковости некоторых обычаев и обычноправовых норм горцев Кавказа // Крат. сод. докл. Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтений. 1994–1995 гг. СПб., 1997. С. 61–62.
46. Символика архетипа «корова» в общественно-бытовых традициях народов Кавказа // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения: Крат. сод. докл. СПб., 1998. С. 82–83.
47. «Рогатые» деревянные сосуды Западного Дагестана // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения: Крат. сод. докл. СПб., 1998. С. 83–85.
48. Ребенок и подросток в контексте культуры народов Западного Дагестана // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 115–147.
49. «Рогатые» деревянные сосуды Западного Дагестана // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1998. Вып. 12. С. 5–12.
50. Вариация на тему кавказских амазонок // Астарт. Вып. 1: Культурологические исследования из истории древнего мира и средних веков. СПб., 1999. С. 236–255.

51. Царица Тамара: Реалии и образ в фольклоре // Астарта. Вып. 2: Женщина в структурах власти архаических и древних обществ. СПб., 1999. С. 104–125.
52. Горы и равнина Северного Кавказа: Направления и формы социокультурного взаимодействия // Этнос. Ландшафт. Культура. СПб., 1999. С. 159–166.
53. Общественный быт народов Кавказа // Эльбрус. 1999. № 2. С. 41–134.
54. «Шахские» игры в Дагестане (опыт функционального и сравнительно-исторического анализа) // Народные игры и игрушки. СПб., 2000. С. 28–53.
55. Новейшая история Чечни в свете этноисторических процессов // Кавказский регион: Проблемы культурного развития и взаимодействия: Тез. докл. и сообщ. Всерос. научно-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 22–23 декабря 1999 г.). Р. н/Д., 2000. С. 181–183; То же: Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 66–67.
56. Половозрастные структуры в традиционном горско-кавказском обществе // Ранние формы социальной организации: Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000. С. 156–178.
57. Кавказская женщина: мировоззренческие предпосылки общественного статуса // Этнографическое обозрение. 2000. № 4. С. 22–32.
58. «Верхние» и «нижние»: к проблемам функционирования горских обществ Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2000. № 4. С. 63–71.
59. Л.И. Лавров: штрихи к портрету ученого (к 90-летию со дня рождения) // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения: 1998–1999 гг.: Крат сод. докладов. СПб., 2001. С. 3–4, (совместно с А.М. Решетовым).
60. Роженица: хевсурский вариант образа // Там же. С. 133–134.
61. Царица Тамара — народная интерпретация образа // Там же. С. 142–144.
62. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия. СПб., 2001. С. 221–262. То же: Images of Violence in Modern and Recent History of the Peoples of the North Caucasus // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2003. Vol. 41, № 4. P. 8–44.

63. Этносоциальные и этнополитические процессы в Чечне в XIX–XX вв. // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик. 20–23 сентября 2001 г.: Тез. докл. М., 2001. С. 238.
64. Женское пространство в культуре народов Кавказа // Там же. С. 297.
65. Кавказский горец: Личность в рамках социальной системы // Социальная организация и обычное право: М-лы научной конференции. Краснодар, 24–26 августа 2000 г. Краснодар, 2001. С. 31–48.
66. Из архивных материалов П.Г. Буткова (Из «Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре», Из описания ингушей). Подготовка текстов, пред. и комм. // Россия и Кавказ — сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 5–14.
67. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в новое и новейшее время // Россия и Кавказ — сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 190–202.
68. Кавказ // Сокровища Кунсткамеры. Из фонда фотоиллюстративных коллекций. СПб., 2001. С. 24–27.
69. История народов Северного Кавказа в контексте социокультурного взаимодействия с иноэтничным окружением // Евразия: этнос, ландшафт, культура. СПб., 2001. С. 362–407.
70. Природный фактор и социальные процессы на Северном Кавказе в позднее средневековье и в новое время // Лев Николаевич Гумилев: Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. СПб., 2002. Т. 1. С. 185–191.
71. К мировоззренческим основам функционирования горских обществ Кавказа // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения: 2000–2001 гг.: Крат. содерж. докл. СПб., 2002. С. 34–35.
72. Чечня и Дагестан: политическое лидерство в строе общественных отношений (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Там же. С. 50–51.
73. Политические лидеры Чечни и Дагестана конца XVIII — первой половины XIX в.: средства и методы достижения власти // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 3. С. 162–177.
74. Горско-кавказская божественная триада // Христианство в регионах мира. СПб., 2002. С. 172–179.

75. Азербайджанцы // Многонациональный Петербург: История. Религии. Народы. СПб., 2002. С. 456–469.
76. Изменяющийся этнос: чеченцы в XVII–XX вв. // Этническое единство и специфика культур: М-лы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2002. С. 19–21.
77. Мировоззренческие слагаемые культуры и общественно-историческая практика (на материалах горских народов Кавказа) // Российская наука о человеке: Вчера, сегодня, завтра: М-лы международной научной конференции. СПб., 2003. Вып. 1. С. 92–98.
78. Горцы Кавказа: организация и функционирование социокультурного пространства // 5-й Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г.: Тез. докл. М., 2003. С. 294–295.
79. Женский лик Кавказа // Россия и Кавказ: история, религия, культура. СПб., 2003. С. 44–63. То же // Антропология власти (Хрестоматия по политической антропологии). Т. 1 Власть в антропологическом дискурсе. СПбГУ., 2006. С. 398–416.
80. Мужские союзы в культуре и общественной жизни горцев Кавказа // Россия и Кавказ: история, религия, культура. СПб., 2003. С. 64–84.
81. Портрет современного Джигита глазами этнографа // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. СПб., 2003. С. 117–127.
82. Горцы и соседи: взаимодействие обществ и культур // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: М-лы международной конференции. Ереван. 17–18 ноября 2003 г. Эчмиадзин, 2003. С. 194–197.
83. Традиционное дагестанское общество: к принципам моделирования социального пространства // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения: 2002–2003 гг. Крат. сод. докл. СПб., 2003. С. 17–18.
84. Герой Хочбар и мифопоэтическая интерпретация его образа // Там же. С. 34–35.
85. Женское и мужское в культуре народов Кавказа // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. М., 2003. С. 53–66.
86. Рецензия на книгу «Народы Дагестана». М., 2002 // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 160–164.
87. Каратинское сельское общество в начале XXI века // Радловские чтения — 2004: Тез. докл. СПб., 2004. С. 14–16.

88. «Горские сезоны» в современном большом городе // «Мужское» в культурном контексте города: М-лы научной конференции (22–24 апреля 2004 г.). М.; СПб., 2004. С. 24–25.
89. Исторические и этносоциальные предпосылки «чеченской революции» // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе. Р. н/Д., 2004. С. 64–87.
90. Горско-кавказский социум в структурированной модели мира // Северный Кавказ: Человек в системе социокультурных связей. СПб., 2004. С. 13–30.
91. Личность и традиционные социальные институты: принципы взаимодействия // Там же. С. 107–167.
92. Общество — лидер — власть (на примере политических лидеров Чечни и Дагестана конца XVIII — первой половины XIX) // Там же. С. 226–263.
93. Этнографические подходы к интерпретации Кавказской войны XIX столетия // Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы исторической науки и историографии: М-лы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 266–267.
94. Дагестанские «индейцы»: кто они? // Этнографический источник: М-лы Третьих Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2004. С. 30–34.
95. Цезы (малый народ Дагестана): видение себя и взгляд со стороны // Историческая этнография. Вып. 1. Вопросы этнической истории народов России. СПб., 2004. С. 177–189.
96. Памяти Александра Вильямовича Гадло // Историческая этнография: Динамика этнической культуры народов России. СПб., 2004. С. 3–15 (совместно с Дворниченко А.Ю., Верняевым И.И., Козьминым В.А.).
97. «Женский» костюм ряженого из Дагестана в собрании МА // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 96–99.
98. Социокультурные трансформации в Дагестане за последние два столетия // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня — 2 июля 2005 г.: Тез. докл. СПб., 2005. С. 354.
99. Новообразования, отзвуки традиций? О преемственности в общественной практике дагестанцев // Гендерные исследо-

- вания в контексте социологического образования: Сб. ст. под ред. В. Ушаковой, У. Мюллер, Б. Зауэр. СПб., 2005. С. 413–423.
100. Дидойцы: установка на возрождение // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 2004–2005 гг.: Тез. докл. СПб., 2005. С. 23–24.
101. О концепте «дом» в культуре дагестанских горцев // Там же. С. 61–62.
102. Многоэтничное социальное пространство Дагестана: от прошлого к настоящему // Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: Опыт Дагестана. М-лы междунаrod. науч. конференции. Москва. 25–27 мая 2004 г. М., 2005. С. 117–128.
103. Ишак с оленьими рогами. Об одном мотиве исторических преданий Дагестана // Игра и игровое начало в культуре народов мира. СПб., 2005. С. 127–139.
104. «Своеобразие положения российской и кавказской цивилизаций обуславливает в целом достаточно высокий уровень их открытости и готовности к диалогу...» // Россия и Кавказ на рубеже столетий: М-лы второго заседания «круглого стола» «Между Западом и Востоком. Россия и Кавказ на рубеже столетий» на общую тему «Россия и Кавказ в XXI веке». М., 2006. С. 91–99.
105. Материалы по исторической географии и этнографии западно-дагестанского района Дидо (Цунта) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2006. Вып. 6. С. 6–18.
106. Дагестан старый и новый: очерк социальной культуры и истории // Кавказ и Россия: прошлое и настоящее. История, быт, религия. СПб., 2006. Россия и Кавказ: история, религия, культура. СПб., 2006. С. 128–192.
107. Деревянная утварь аваро-андо-цезских народов Дагестана: поставцы, сосуды, мерки // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. Сб. МАЭ. Т. 52. СПб., 2006. С. 5–51 (совместно с В.О. Бобровниковым, В.А. Дмитриевым).
108. Кавказские горцы и их соседи // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: М-лы Пярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2006. С. 23–26.
109. О социальной культуре и общественных практиках народов Северного Кавказа // Кавказ и Россия — прошлое и настоя-

- щее: М-лы для научно-практического семинара «Проблемы толерантности в петербургской школе». СПб., 2007. С. 25–62.
110. О «взаимодействии культур» в современном Дагестане // VII Конгресс этнографов и антропологов России: М-лы конгресса. Саранск. 9–14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 119.
111. Народные традиции в условиях современных российских общественных реалий // Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами: М-лы региональной научно-практ конф. (Майкоп, 28–31 мая 2007 г.). Краснодар, 2007. С. 85–91.
112. Дагестанский эпос: его время и его герои // Лавровский сборник. М-лы среднеазиатско-кавказских исследований: Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2007. С. 235–239.
113. Дагестанские горцы-переселенцы и их соседи: к характеристике социокультурного взаимодействия // Там же. С. 56–60.
114. О каменной антропоморфной скульптуре горного Дагестана // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2007. С. 46–62.
115. Ботлих: судьба горско-дагестанской общины в новейшее время // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 139–153.
116. Горное дагестанское селение: от традиционного джамаата к нынешнему социальному облику // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб, 2007. С. 5–74.
117. Современная Кизлярщина: изменение облика при смене населения // Радловские чтения. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008. С. 200–205.
118. Этносоциальные трансформации в условиях миграционных процессов (на примере Дагестана) // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008. С. 95–115.
119. О самоидентификации малых народов Западного Дагестана в начале XXI в. // Малые этнические и этнографические группы. Историческая этнография. Вып. 3. Сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения профессора Р.Ф. Итса. СПб., 2008. С. 191–202.
120. Меняющийся мир дагестанских горцев // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исто-

- рического развития: М-лы Всероссийской науч. конф., посвящ. 180-летию присоединения Карачая к России. 7–9 ноября 2008 г. Карачаевск, 2008. Ч. 1. С. 271–278.
121. Послесловие // Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы. 1892–1894 гг. М., 2008. С. 234–242.
122. Вводная статья (рус. и англ.) // Женщины Кавказа. Фотографии, живопись, скульптура, графика: Альбом. М., 2008. С. 5–22.
123. Кутаны в Дагестане: объекты хозяйственной деятельности, фактор этнополитической напряженности // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 173–178.
124. К социально-этнографическому «портрету» современного горско-дагестанского селения // Кавказ: археология и этнология: М-лы Международной научной конференции. 11–12 сентября 2008 г. Азербайджан. Шамкир. Баку, 2009. С. 400–403.
125. Историк. Этнограф. Кавказовед. К столетию со дня рождения Л.И. Лаврова // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2. С. 84–92.
126. Л.И. Лавров как ученый-гражданин // Лавровский сборник. Материалы XXXIII среднеазиатско-кавказских чтений 2008–2009 гг. К столетию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2009. С. 3–10.
127. Специфика функционирования «традиционных» горско-кавказских обществ: интерпретации последних десятилетий // Там же. С. 102–106.
128. «Новые горцы» Дагестана: к изменениям стереотипов и идентичностей в среде переселенцев // Там же. С. 437–442.
129. Особенности социально-политической жизни горских обществ Дагестана в начале XIX в. в контексте проблематики Кавказской войны // Генерал А.П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX — начале XX в. СПб., Журнал «Звезда», 2009. С. 67–83; То же // Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Нальчик, 2013. С. 35–52.
130. Из истории переселенческого движения в Дагестане. Судьба Кази-юрта // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 33–46.

131. The Dagestani Mountain Village. From the Traditional Jamaat to Its Present Social Character // *Anthropology & Archeology of Eurasia. A journal of translations.* Spring 2010. Vol. 48. No 4. P. 9–91.
132. Вольное общество в горах советского Дагестана // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. С. 226–229. То же // *Народы Дагестана.* 2012. № 5. С. 30–32.
133. Леонид Иванович Лавров — ученый и гражданин // *Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. Преемственность и разрывы в социокультурных практиках. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова.* СПб., 2010. С. 5–40.
134. Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций // Там же. С. 121–187.
135. Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям // Там же. С. 402–447.
136. Кварельские аварцы в XX веке // *Материалы полевых исследований МАЭ РАН.* Вып. 10. СПб., 2010. С. 118–137 (совместно с Е.Л. Капустиной).
137. Диалектика национального строительства на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг.: прообраз преобразований современного этапа? // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 310–314.
138. Дагестанский «эпос»: его время и его герои // *Первые Международные Инал-иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.).* Сухум, 2011. С. 123–127.
139. Политика Российского государства на Северном Кавказе в позднеимперский, советский и постсоветский периоды // *Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: М-лы Всероссийской научной конференции. 13–15 сентября 2011 г., Ростов-на-Дону. Р. н/Д., 2011. С. 27–33.*
140. Вождь и народ: горско-кавказская редакция отношений // *Лидерство в архаике: условия и формы проявления. М-лы семинара: «Теория и методология архаики» / Отв. ред. Д.Г. Савинов, М.Ф. Альбедиль.* СПб., 2011. С. 118–129.

141. Страничка из истории управления горцами Кавказа Российской империей // Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010–2011 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2011. С. 270–275.
142. Заметки о национально-государственном строительстве на Северном Кавказе в 1920–1940-е гг. // Там же. С. 366–370.
143. «Борьба плуга и овцы». Некоторые аспекты колонизационных процессов в степных районах Северо-Восточного Кавказа в новейшее время // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2011. С. 7–30.
144. «Казачи» и политика дагестанского руководства в 1920–1930-е годы // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012. С. 112–120.
145. Александр Нурид: горец на службе империи // Известия Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований. 2012. Вып. 7 (46). С. 95–104.
146. О нациестроительстве на Северном Кавказе в раннесоветский период // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы: М-лы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 27–28 сентября 2012 г.). Р. н/Д., 2012. С. 212–219.
147. Рецензия на монографию В.А. Дмитриева «Отношение к пространству и времени в традиционной культуре народов Северного Кавказа» // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 1. С. 144–149.
148. Старые и новые идентичности в современном Дагестане // Нациестроительство на Северном Кавказе: Исторический опыт и современные практики: М-лы заочного круглого стола. Р. н/Д., 2012. С. 61–81.
149. Национальный ресурс в политике государства: диалоги центра и автономий Северного Кавказа в 1920–1930-е годы // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. СПб., 2012. С. 299–375.
150. Региональное пространство как поле этнополитической конкуренции. Северный Кавказ в XX век // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 274–280.

151. Ученые в поле стратегий политиков: к истории национального строительства в раннесоветский период // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности. Всероссийская научная конференция. Ростов-на-Дону. 3–4 октября 2013 г. Р. н/Д., 2013. С. 33–36.
152. Кизляр как зеркало российской истории Кавказа // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде / Под ред. Ю.М. Ботякова. СПб., 2013. С. 38–110.
153. Традиции и советизация (Северный Кавказ, 1920-е годы) // Лавровский сборник. Материалы XXXVI–XXXVII среднеазиатско-кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2012–2013. СПб., 2013. С. 361–368.
154. Традиционные социальные институты в наши дни — это реально? // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2013. Вып. 10. С. 3–15.
155. Северный Кавказ: становление местной власти в условиях советизации // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб., 2014. С. 316–325.
156. О специфике восприятия пространства и времени в культуре горцев Дагестана // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве: М-лы международной конференции, посвященной 90-летию Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Махачкала, 21–22 октября 2014 г. Махачкала, 2014. С. 138–140.
157. Советизация 1920-х годов на местах: взаимодействие государственных и общественных институтов // Платон. 2014. № 4. С. 15–18.
158. The Dialectics of Nation-state Construction in the North Caucasus in the 1920s–30s // State and Legal Practice in the Caucasus. Anthropological Perspectives on Law and Politics. Ed. by Stéphane Voell, Iwona Kaliszewska, Ashgate, 2014. P. 31–36.

Публикации в календарях

1. День памяти Святого Георгия Победоносца (православные христиане) // Этнокалендарь Санкт-Петербурга 2011 г. Кален-

- дарь памятных дат, событий и праздников в культурных традициях жителей Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 98.
2. Навруз // Там же. С. 59.
  3. Сабантуй // Там же. С. 129.
  4. Ураза-Байрам // Там же. С. 155.
  5. Курбан-байрам // Там же. С. 184.
  6. Джоргуба // Там же. С. 191.
  7. Ураза-Байрам // Этнокалендарь Санкт-Петербурга 2012 г. Календарь памятных дат, событий и праздников в культурных традициях жителей Санкт-Петербурга. СПб., 2011.
  8. Курбан-Байрам // Там же.

Публикации в энциклопедиях

Осетинская этнографическая энциклопедия // Глав. ред. Л.А. Чибиров (Ю.Ю. Карпов в составе редакционной коллегии). Владикавказ, 2013.

1. Аванкулат. С. 28.
2. Амулет. С. 44–45.
3. Аѣмцег (аталычество) С. 75. (совместно с Л.А. Чибировым).
4. Историко-культурная область. С. 274.
5. Историческая этнография. С. 274.
6. Нормативная этнография. С. 393.
7. Патронимия. С. 406 (совместно с Е.И. Кобахидзе).
8. Петроглиф С. 407. (совместно с В.Х. Тменовым).
9. Полевая этнография. С. 410.
10. Прикладная этнография (этнология). С. 412.
11. Ритуал. С. 420.
12. Сорорат. С. 450.
13. Уайсадын (избегание). С. 500 (совместно с З.В. Кануковой).
14. Экзогамия. С. 647 (совместно с А.Х. Хадиковой).
15. Эндогамия. С. 648 (совместно с А.Х. Хадиковой).
16. Этническая демография. С. 650.
17. Этническая история. С. 650.
18. Этническая психология С. 650–651 (совместно с А.Х. Хадиковой).
19. Этническая статистика. С. 651.
20. Этническая территория. С. 651.
21. Этнические процессы. С. 651.

22. Этнический состав (структура) населения. С. 651.
23. Этнографический музей С. 654–655 (совместно с А.А. Цуциевым).
24. Этнография. С. 655–656.
25. Этнология. С. 656.
26. Этнос. С. 656.

Публикации в каталогах выставок

«Кавказский словарь. Земля и люди». Москва. Музей-заповедник «Царицыно», 2012.

1. Образы Кавказа С. 14.
2. Образы Кавказа: Земля и люди // Там же. С. 16–23.
3. Гора // Там же. С. 24–25.
4. Башня // Там же. С. 28–29.
5. Аул // Там же. С. 34–35.
6. Сакля // Там же. С. 53.
7. Очаг // Там же. С. 56, 58.
8. Родовой столб // Там же. С. 60.
9. Кунацкая // Там же. С. 82–83.
10. Мужское пространство // Там же. С. 90.
11. Аксакал // Там же. С. 92.
12. Наездник // Там же. С. 96.
13. Джигит // Там же. С. 98–99.
14. Папаха // Там же. С. 121.
15. Женский мир, Женский миф // Там же. С. 128, 130.
16. Красота // Там же. С. 142.
17. Родник // Там же. С. 164.
18. Набег // Там же. С. 188–189.
19. Буза // Там же. С. 250.
20. Шашлык // Там же. С. 258.
21. Волк // Там же. С. 306–307.

В газетах:

1. Исторические предания дидойцев // Дидойские вести. 2002. № 2.
2. Судьба малых народов Дагестана в контексте социально-политических процессов (Отрывки) // Дидойские вести. 2002. № 3.

3. Материалы по исторической географии и этнографии западнодагестанского района Дидо (Цунта) // Дидойские вести. 2007. № 21–32.
4. Незавидная судьба Кази-юрта // Времена. Приложение к газете «Ёлдаш». 2009. № 210–212.

Статьи научно-популярные

1. Первая любовь по-хевсурски // Наш следопыт. 1999. № 13. С. 9.
2. Поймать резвую курочку // Наш следопыт. 1999. № 21. С. 6.
3. ...Прекрасна как ангел небесный... // Наш следопыт. 1999. № 22. С. 7.
4. Битва жениха и невесты // Наш следопыт. 1999. № 25. С. 6.
5. Праздник оборотней // Наш следопыт. 2000. № 8. С. 3.
6. Чадородие наизнанку // Наш следопыт. 2000. № 8. С. 10–11.
7. Горечь мужского, сладость женского // Петербургский час пик. 2001. № 15.
8. Далекая страна! Жилище вольности простой Петербургский час пик. 2001. № 19–21.
9. Александр Дюма на Кавказе // Татарский мир. 2003. № 3 (13).

Список публикаций в разделе «статьи» в электронном журнале «Кумыкский мир. Культура, история, современность» <http://www.kumukia.ru/author?q=922>

1. 05.06.2007. Краткие сведения по этно-социальной истории чеченцев.
2. 20.11.2009. Незавидная судьба Кази-юрта. Из истории переселенческого движения в Дагестане.
3. 23.05.2010. Кутаны в Дагестане: объекты хозяйственной деятельности, фактор этнополитической напряженности, фактор этнополитической напряженности.
4. 02.06.2010. Современная Кизлярщина: изменение облика при смене населения.
5. 03.06.2012. Кумыкская проблема.

КОЛЛЕГИ О Ю.Ю. КАРПОВЕ

**Ю.М. Ботяков, к.и.н., снс отдела этнографии
Кавказа МАЭ РАН**

С Ю.Ю. Карповым я познакомился в 1981 г., когда он, аспирант Л.И. Лаврова, работал над своей диссертацией в отделе Средней Азии, Кавказа и Казахстана. Как и у моих коллег, у меня остались воспоминания о человеке, с которым мы проработали долгие годы в одном отделе. Некоторыми из них, быть может не столь значительными, но, как мне кажется, важными в понимании сути этого человека, мне хотелось бы поделиться.

В связи с уходом из жизни Л.И. Лаврова Юрию Юрьевичу пришлось заканчивать свою работу под руководством В.К. Гарданова. Вспоминая о работе с ним, Ю.Ю. Карпов рассказывал следующий эпизод. Отдав свою рукопись на прочтение, он получил ее испещренную пометками. В первый момент, смеялся Карпов, это задело самолюбие, но затем он оценил кропотливый труд, проделанный для его же пользы этим человеком, внимательнейшим образом проработавшим текст. В дальнейшем подобный стиль работы стал характерным и для самого Ю.Ю. Карпова: многочисленные тексты диссертаций, приходивших из различных регионов Кавказа, прорабатывались им самым добросовестным образом.

Еще один эпизод, говорящей уже о его научной чистоплотности: став, по сути, первым исследователем дагестанского праздника Игби, Юрий Юрьевич всегда подчеркивал, что его внимание к нему привлек А.И. Азаров, с которым он совершил одну из своих экспедиций в аул Шаитли. Лично мне пришлось совершить лишь одну совместную экспедицию, в которой я отметил такую характерную для Ю.Ю. Карпова особенность проведения полевых исследований: по окончании работы на месте, где уже были установлены контакты с людьми и налажен быт, он обычно ехал дальше, максимально используя время для сбора материала.

Еще одна примечательная деталь, связанная с моим личным опытом. Придя в отдел Кавказа из отдела Средней Азии, я сразу же

получил от Юрия Юрьевича подарок: именно он предложил мне разработку темы «абреки». К тому времени он уже завершал свою книгу «Джигит и волк», и разработка темы, связанной с абречеством, могла стать логическим продолжением этого труда. Однако как руководитель отдела Ю.Ю. Карпов думал о коллегах, работающих рядом с ним. И последнее, на что я хотел бы обратить внимание, — это его особенность радоваться успехам других как своим собственным.

**М.С.-Г. Албогачиева, к.и.н., снс, и.о. зав. отделом
этнографии Кавказа МАЭ РАН**

Одни люди появляются в нашей жизни и исчезают, не оставив никакого следа, но есть личности, которые оставляют после себя яркий и незабываемый след. К числу последних относится Ю.Ю. Карпов. Наше знакомство состоялось в мае 2000 г. на Лавровских чтениях в Кунсткамере. На тот период жизни я имела базовое педагогическое образование и работала над сбором материала по генеалогии своей семьи и истории ингушского народа. Но это были изыскания не профессионального исследователя, а просто любителя. Юрий Юрьевич проявил живой интерес к моей персоне и к тому, что я делаю на этом поприще. Он рассказал мне о своей экспедиционной поездке в Ингушетию и о привезенных им фотоматериалах, которые заняли достойное место в фотоиллюстративных коллекциях МАЭ. Он тепло отзывался о своей поездке и делился своими впечатлениями об увиденном и услышанном. Возможно, эти впечатления, в какой-то мере и способствовал тому, что я стала соискателем и позже сотрудником отдела этнографии Кавказа, которым он руководил. Все последующие годы мне довелось быть свидетелем того, как он бескорыстно помогал и направлял в нужное русло всех исследователей, которые обращались к нему как к известному кавказоведу. И что примечательно, он со всеми людьми был одинаково приветлив и любезен, независимо от их социального и интеллектуального уровня. Он был готов помочь любому человеку.

Юрий Юрьевич был отличный полевик, он оставил после себя множество книг и статей, написанных с привлечением экспедиционных материалов. В последние годы наряду с полевыми исследованиями он стал активно заниматься поиском архивных материалов, касающихся государственного строительства в 20–30-е годы прош-

лого столетия. Он привозил очень много архивных материалов, с которыми работал сам и щедро делился с коллегами. Каждый исследователь, работавший в архивах, знает насколько это трудоемкая и кропотливая работа, но ему были чужды такие качества, как жадность, корысть. Карпов относился к такой категории руководителей, которые меньше всего заботились о личном благе и саморекламе. И больше всего — о людях, с которыми он работал и жил.

За весь период времени, проведенный в этом коллективе, мне довелось увидеть только его самые лучшие человеческие качества — доброта, требовательность, такт, чуткость, сострадание. Благодаря этим качествам ему удалось открыть новых кавказоведов, которые успешно труятся на благо отечественного кавказоведения.

**Е.Л. Капустина, к.и.н., мнс отдела этнографии
Кавказа МАЭ РАН**

Юрий Юрьевич, как и подобает хорошему этнографу, много работал в поле. Большая часть его полевых выездов пришлась на Дагестан. Он начал работать там еще в 1981 г., достаточно регулярно выезжал в Дагестан на протяжении всех 1980-х годов, но в 1990-е годы, когда и северокавказский регион, и академические институты переживали непростые времена, поездки свелись к минимуму. В начале века опять появилась такая возможность, и в 2003 г. Юрий Юрьевич опять возвращается к практике ежегодных полевых выездов в республику. С 2004 по 2009 годы мне повезло ездить в Дагестан вместе с ним.

Органичное сочетание внимательности, доброжелательности и уважения к информантам, на мой взгляд, отличало стиль его полевой работы. При этом он не перегибал палку: не играл в нарочитое панибратство со своими информантами, сохраняя небольшую, но все же дистанцию. Карпов мог разговаривать с любым информантом на равных, не впадая в восторженное заискивание и одновременно не позволяя себе ни малейшей тени снобизма и «взгляда свысока». Интеллигентный стиль работы подкупал людей, и разговоры даже с теми, кто изначально не был готов давать интервью, всегда удавались. Многие, узнав от меня (Юрий Юрьевич никогда не бравировал должностями и регалиями), что перед ними доктор наук и автор множества монографий, всегда удивлялись его скромности и интеллигентности, неизменно повторяя «настоящий ленинградец!».

Он не навязывал свой стиль ведения интервью, не настаивал на исповедовании его теоретических позиций в работе. Но он настойчиво призывал к чуткости и уважению к той культуре, в которой приходится работать. Ему было важно не только понять, как устроено общество и какие винтики какую роль играют в этом сложном механизме. Не меньше он ценил возможность научиться любить эту культуру и, главным образом, людей, ее носителей. Любить и не быть высокомерным, а смотреть во все глаза, удивляться каждой мелочи и бесконечно задавать себе вопросы: почему так, откуда это здесь. Например, бродя по улочкам Махачкалы, он обращал мое внимание на знаменитые пристройки к многоквартирным домам, а также привычку махачкалинцев называть квартиру «секцией». Он задавал сам себе вопрос, почему пристройки так распространились тут, нет ли здесь какой-то связи с культурной спецификой региона, с этнографическими реалиями Дагестана сельского. И в результате он предложил в качестве интерпретации идею родства пристроек с системой организации традиционного горского селения, где дома, расположенные вплотную друг к другу, образуют единый монолит, где каждый дом является лишь частью общего архитектурного и социального элемента (см. об этом его работу «Взгляд на горцев, взгляд с гор»). Увидеть в повседневности очередную культурную загадку, быть чутким ко всем мелочам, но при этом не ограничиваться смакованием незначительных деталей и через них переходить к более серьезным обобщениям — вот то качество, которое он ценил в исследователях и которым, несомненно, обладал сам.

Юрий Юрьевич не просто изучал Дагестан — он его, безусловно, любил и считал своим. Настолько, что мог сокрушаться, если видел какие-то черты культурного упадка в обществе, поскольку не мог относиться ко всему происходящему равнодушно. Но при этом он как профессионал умел убрать личные эмоции на задний план и сосредоточиться на работе, понять и попытаться принять то, что по-человечески не очень нравилось, но привлекало его как исследователя. И он продолжал любить Дагестан, удивляться и восхищаться им, несмотря ни на что.

И эта любовь и принятие были, безусловно, взаимны. Его любили и любят в горах, им восхищаются и ему благодарны за его труды и за его искреннюю симпатию к Стране гор, его учеников с легкой руки местного журналиста некоторые звали «карпятями».

И на его уход Дагестан откликнулся шквалом звонков и писем с болезнованиями и эмоциональными сожалениями об утрате того, кто так чутко и профессионально изучал, так тонко понял и так просто и ясно рассказал про социокультурные феномены этого яркого и сложного региона. «Мы так благодарны ему, мы многое узнали про себя и свою культуру из его книг», — мне часто приходится слышать такие отзывы дагестанцев. Это не официальные фразы из залов и кабинетов, а простые и искренние слова людей, живущих в горах и на равнине, в селах и в городах, всех, кто помнит его, разговоры с ним, кто читает его книги и вдохновляется ими, кто благодарен ему за его работу. Эта благодарность — лучшая регалия, лучший орден, который может получить этнограф в той среде, которую изучает. Горцы, на которых взглянул Юрий Карпов и о которых рассказал и им самим, и всем прочим, обладают хорошей памятью, пусть она будет ему вечным памятником и вечным образцом для подражания последующим поколениям исследователей.

**С.А. Штырков, к.и.н., снс отдела этнографии
Кавказа МАЭ РАН**

Юрий Юрьевич привел меня в отдел этнографии Кавказа и в кавказоведение — страну, в которой он жил и которой, пожалуй, владел. В течение почти пятнадцати лет мы работали в одном отделе, объединенные рутинной заполнением планов и написания полных торжества отчетов. Признаюсь, все это время мне редко приходилось задумываться о масштабе личности Ю.Ю. Карпова. Он был моим начальником и коллегой, и единственное, что мне казалось в нем необычным, — это его работоспособность, которой я дивился и завидовал.

Однако, приезжая на Кавказ, я начинал понимать, с кем мне довелось работать в одном кабинете. Много раз в разговорах с коллегами, называя место своей службы, я слышал в ответ: «Так Вы с Карповым работаете! Как Вам повезло». Карпова знали абсолютно все, кто имел хоть какое-то отношение к изучению истории и культуры Кавказа. Его ценили, им восхищались. Лучшим подарком, который я мог привезти из Петербурга, были книги, написанные Юрием Юрьевичем, тираж которых давно разошелся. Хорошо помню, как во Владикавказе я услышал слова, полные одновременно удивления и пиетета: «Карпов понял нас, кавказцев, лучше нас

самих». Как будто речь шла о чудотворении. Теперь я понимаю, насколько правдивыми было это замечание, оброненное, кстати говоря, в разговоре о том, что книги Юрия Юрьевича нельзя в институте оставлять без присмотра — обязательно кто-нибудь присвоит.

Е.Ю. Захарова, лаборант отдела этнографии Кавказа, МАЭ РАН

Будучи руководителем коллектива исследователей, имеющих разные интересы и, по сути, принадлежащих к разным школам, Ю.Ю. Карпов признавал право на существование любых тем и подходов, независимо от того, близки они ему или нет. Он никогда не пытался повлиять на исследования коллег, но всегда был готов посоветовать литературу, материалы или дать контакты, сам предлагал такого рода помощь.

Он был авторитетом и ориентиром, образцом для подражания для многих своих коллег, вдохновил к изучению Кавказа не одного начинающего исследователя.

Скрупулезно выверяя фактическую и аналитическую составляющие исследования, Ю.Ю. Карпов уделял особое внимание и его форме. В работе этнографа, в создании текста для него была важна литературная, писательская составляющая, он рассказывал, что часто тратит непропорционально большое время на поиск нужного слова или оборота, нередко даже предлагал коллегам оценить тот или иной вариант формулировки.

Его работы, изобилующие объемными цитатами и множеством ссылок, не предлагающие однозначных ответов или броских фактов, далекие от научно-популярного жанра, оказываются в роли настольных книг, в том числе и у читателей, не связанных с академическим миром. Тексты Ю.Ю. Карпова как бы исподволь, страница за страницей выписывают сдержанную красоту мира Кавказа, его ненарочитую поэтику, умение увидеть и показать которую — неоспоримая заслуга Ю.Ю. Карпова как писателя.

Ю.Ю. Карпов справедливо считал, что для того, чтобы писать о том или ином регионе Кавказа, необходимо представлять себе весь спектр многообразия и в то же время единства этой горы языков и культур. Он одинаково хорошо ориентировался и в полевых реалиях региона, и в архивных и иных исторических источниках, являя образцовый пример исследователя российской этногра-

фической школы, традиции которой были заложены В. Богоразом и Л. Штернбергом. Свобода скольжения как по диахронному, так и синхронному срезу изучаемой культуры и общества придает его исследованиям глубину, которая может служить ориентиром для социальных исследователей сегодня и в будущем.

**З.М.-Т. Дзарахова, д.и.н., зам. директора по научной работе
Ингушского научно-исследовательского института
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева**

С Юрием Юрьевичем Карповым я познакомилась летом 2009 г. Юрий Юрьевич находился в служебной командировке в Махачкале. Нас познакомил наш общий друг и коллега Магомедхан Магомедханович Магомедханов. В кругу ученых-этнографов Ю.Ю. Карпова знали все. Или почти все. Знали как последовательного и требовательного ученого-кавказоведа.

Для меня это было временем переживаний и ожидания. Мне предстояло сделать перезащиту докторской диссертации «Этнокультура как основание формирования национального самосознания ингушей» в отделе Кавказа Кунсткамеры (МАЭ РАН), который возглавлял он. Потому мне важно было знать мнение Ю.Ю. Карпова как эксперта и ученого-кавказоведа о своей работе.

Передо мной сидел мягкий в общении интеллигент и ученый до мозга костей. Это впечатление буквально врезалось в сознание с первых его слов.

Юрий Юрьевич знал содержание моей докторской диссертации. Дипломатически, но конкретно и точно указал он на сильные и слабые стороны моей работы. Отметил значительную работу, проведенную мной по сбору полевого этнографического материала и введенного в научный оборот, отметил исторический ракурс, касающийся истории ингушей, дал рекомендации к защите и наставления, из которых было ясно, что предстоит серьезная работа. Качественное содержание исследований Ю.Ю. Карповым всегда ставилось во главу угла. И этим он вызывал глубокое уважение.

Вопросы во время защиты докторской диссертации ставились довольно жесткие. Время голосования членов Диссертационного совета, мне казалось, длилось целую вечность. И когда в результате голосования (3 голоса против) мне была присвоена ученая степень

доктора исторических наук, Юрий Юрьевич радовался как собственному успеху.

Перед тем как уехать из Санкт-Петербурга, я еще несколько дней приходила в отдел Кавказа. За время нашего общения он делился некоторыми идеями, проектами, задумками, к которым и сегодня невольно обращаешься в процессе работы.

Не раз, возвращаясь в мыслях в то время, благодарю судьбу за то, что знала Юрия Юрьевича Карпова, и сегодня его книги вновь и вновь открываю с благоговением и доброй памятью!

З.У. Махмудова, к.и.н., доц. кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

С Юрием Юрьевичем я виделась несколько раз в Санкт-Петербурге, когда приезжала в Кунсткамеру на Кавказский семинар. Коллеги и в Москве, и Питере глубоко уважали и любили его, всегда тепло о нем отзывались, и поэтому я еще до встречи с ним как-то заранее ему симпатизировала.

В то время отдел Кавказа, которым он руководил, как оказалось, был расположен в странном месте — на галерее зала с известной коллекцией Петра I (зрелище, как говорится, «на любителя»), фактически под потолком. Зато из окон открывался прекрасный вид на Неву и здание Эрмитажа. Кроме того, можно было любоваться люстрой, освещающей зал с неожиданного ракурса, — для зрителя она оказывалась где-то внизу. А Кавказский семинар проходил, наоборот, на цокольном этаже музея. Даже в Санкт-Петербурге дихотомия верх — низ, горы — равнина не оставляла кавказоведов. Атмосфера в отделе Кавказа, которым он руководил, была очень комфортная, теплая и поэтому творческая и рабочая. Как бы ни ругали «москвичей» жители Северной столицы, встречают они гостей всегда хорошо и всегда готовы помочь. Мы (со своим московским простодушием) этим с удовольствием пользуемся и, откровенно говоря, любим приезжать к коллегам в Питер.

Первое впечатление от встречи с Юрием Юрьевичем осталось со мной навсегда — он был молодой и жизнерадостный мужчина. А между тем тогда (в 2012 г.) он был уже известным ученым, автором монографий, одним из ведущих специалистов-кавказоведов. Вместе с тем Юрий Юрьевич в общении держался не как начальник или наставник, а скорее как товарищ, коллега, человек, который сделал

и знает значительно больше тебя, но как будто не замечает своих достижений и считает, что все самое главное еще впереди. Юрий Юрьевич проявлял искренний интерес к самым разным вопросам науки и с удовольствием включался в обсуждение докладов участников семинара. Энтузиазм исследовательского поиска всегда отличал сотрудников отдела Кавказа Кунсткамеры.

Мне кажется, что направление исследований этого отдела дает яркий пример эволюционного и целенаправленного развития науки. Этнографические изыскания, интенсивная полевая работа при этом здесь всегда сочетались с аналитической интерпретацией материала, новыми исследовательскими подходами, изучением современных процессов в регионе. Можно без преувеличения сказать, что работы сотрудников отдела в значительной степени «задавали тон» в кавказоведческих исследованиях последних 20 лет. И это в немалой степени заслуга Ю.Ю. Карпова как руководителя подразделения.

Студентам в Москве я всегда говорю, что кавказоведом быть легко и интересно потому, что Кавказ — уникальный регион, он дает материал для того, чтобы подтвердить любую теорию и ее же опровергнуть. Эта особенность, возможно, послужила причиной того, что в среде кавказоведов принято уважать предшественников и взвешенно относиться к новым теориям. Школа отечественного кавказоведения сохраняет преемственность и традиции — нам есть у кого учиться и на чьи работы ссылаться. Среди этих имен навсегда останется имя Юрия Юрьевича Карпова.

**В.А. Дмитриев, д.и.н., нс главной категории отдела
этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана
Российского этнографического музея**

Сотрудничать и дружить с Юрой Карповым мы начали где-то с середины 1980 годов. Обращались друг к другу, как это было принято у русских мастеровых, «на ты», но по имени-отчеству. Сближал нас интерес к проблемам кавказоведения, как-то быстро наладилась совместная работа в том, что требовало взаимодействия наших учреждений, для РЭМ часто требовались заключения на приобретаемые вещи, и Юра никогда не отказывал нам в таких работах. Часто мы вместе рассматривали вещи из собраний РЭМ и Кунсткамеры по этнографии Кавказа, обсуждали участие в конференциях и кол-

лективных монографиях, принимали приезжавших гостей, иногда вместе гуляли по историческим достопримечательностям города, ощущая себя настоящими петербуржцами, спорили на ходу. В 1990 годы Юра здорово помог в полевой работе на Кавказе, пригласив участвовать в нескольких грантах. В свою очередь, я привлек его к работе над грандиозным проектом, который вел и ведет Яков Аркадьевич Гордин, главный редактор журнала «Звезда», по изучению кавказской войны XIX в. и использованию полученного в результате военных действий на Кавказе исторического опыта.

Эта тема в начале 2000 годов привела нас к участию в нескольких конференциях, на которых собирались ученые разных стран, чтобы обсудить возможности ресурсов традиционализма в прекращении конфликтов на Кавказе. Пиком в этом направлении был 2004 г., когда на встрече в Тбилиси было решено создать Институт народов Кавказа. Предполагалась, что его возглавит сильный грузинский этнограф Лия Шалвовна Меликишвили, Юрий Юрьевич Карпов и Николай Михайлович Гиренко должны были возглавить его российское отделение, мне предлагалось стать редактором журнала. Статьи для журнала мы собирали вместе, но смогли выпустить только один номер, т.к. весь проект быстро лишился финансовой поддержки спонсора.

Мы все время собирались вместе поехать в экспедицию на Кавказ, я более рвался в Дагестан, который был, если можно так сказать, «этнографической полевой воччиной» Ю. Карпова, но таким планам не было суждено осуществиться. Зато мы вместе поехали в декабре 2004 г. в Афганистан. Для Ю. Карпова это была вторая поездка, после выезда с заведующим русским отделом РЭМ Дмитрием Александровичем Барановым, и Юра уже мог что-то показать мне на правах бывалого путешественника.

Целью нашей поездки было провести подготовительную работу для создания в Герате, одном из красивейших городов Востока, Этнографического музея народов Афганистана, образцом был избран Российский этнографический музей и российские музееведческие подходы. Местом для будущего музея должно было стать здание городского водохранилища, построенное в XIV в., для которого предстояло спроектировать внутреннее наполнение. Все архитектурные работы брал на себя фонд Ага-хана, крупнейшее учреждение в области сохранения наследия культуры исламских народов. Мы встречались с представителями фонда

и высказали им наши представления о будущей конструкции музейного здания.

Водохранилище находится в центре города, недалеко от одной из самых крупных мечетей Герата, большого базара и большинства торговых и ремесленных лавок. На четыре стороны от здания отходили крытые галереи в несколько этажей, где таких лавок было особенно много, что сразу зародило мысль об их использовании в качестве действующей части музея. Также естественным образом в комплекс вписывались пекарни и дуканы. Надо сказать, что нас поразила живость и яркость этнографических реалий Афганистана и Герата в частности. В открытых и полузакрытых помещениях, подвалах, под открытым небом обтесывали каменные стелы, ковали серебро и гранили полудрагоценные камни, кроили кожу, пекли хлеб, стригли и брили мужчин, все проделывалось вручную и явно по традиции. Проходили женские фигуры, с ног до головы закрытые паранджой, из под которой выглядывала совсем небедная обувь, и собирались группами мужчины, в одежде которых было совсем немного европейских признаков. Здесь явно было удачное место для полевой работы этнографов и место «головной боли» для тех, кто собирался строить этнографический музей, т.к. большинству афганцев было неясно, зачем собирать в музей то, что и так присутствует в изобилии вокруг. От нас требовалось не только представить проект концепции музея, но и доказать его общественную важность, что было первой темой в беседах и с «отцами города», и первыми встречными.

Следует сказать, что встреч на улицах было много. Для тех людей, которых мы видели, характерно большое чувство собственного достоинства, и они никогда не позволяют себе откровенно глазеть на гуляющего европейца, но, стоило только обратиться к одному из гератцев, как вокруг с бездной вопросов собиралась большая группа мужчин и начинался долгий и интересный разговор. Из поднимаемых тем явственно следовало, что у наших собеседников нет зла на русских за афганскую войну и есть будущее для сотрудничества наших народов. Мы совершенно свободно передвигались по городу, и даже только задним числом узнали о военных столкновениях неподалеку от места нашего жилья.

В число наших задач входила не только просветительская работа. Нам предстояло оценить перспективы полевой собирательской деятельности в Афганистане этнографа, для чего мы не только

посещали ремесленные лавки, но и выезжали в села к таджикам, туркменам, курдам, местным ремесленникам и земледельцам. В хозяйстве последних поразил полный набор традиционных орудий труда, вплоть до молотильной повозки древневосточного типа. Мы также застигли общину кочевников на месте их сезонной стоянки и были поражены, узнав, что их общество состоит из двух постоянно объединенных этнических групп — пуштунов и белуджей. Собранная небольшая коллекция этнографических предметов теперь хранится в РЭМ, а один из ковров, парный привезенному в Петербург, был нами подарен Герату как первый экспонат для готовящегося музея.

Первые дни с нами работала съемочная группа российского телевидения, которую курировала пресс-секретарь РЭМ Инна Карпушина, главным лицом группы была Салема Зариф, которая в Герате разыскала родственником. Наше посещение их дома стало частью изучения традиционного быта горожан.

Вспоминая работу в Герате в конце 2004 г., необходимо почтить память еще одного моего друга, тоже ушедшего из жизни, Сергея Жаниевича Давитая, материально помогшего с обеспечением поездки и впоследствии еще неоднократно поддерживавшего работу РЭМ.

Р.А. Дажил-Ходжа, соискатель отдела этнографии Кавказа МАЭ РАН

С Юрием Юрьевичем Карповым меня познакомила мой научный руководитель Макка Султан-Гиреевна Албогачиева в осень 2012 г. С тех пор, поднимаясь в отдел Кавказа Кунсткамеры, я, прежде всего, искала взглядом Юрия Юрьевича. Сидит ли он там, в самом конце длинной галереи, за большим старым столом перед окном с видом на Неву? Юрий Юрьевич представлял собой точный образ петербургского интеллигента из академической среды с присущей ей культом аскетизма и простоты, что позволяет любому, попавшему в нее, почувствовать себя равным. Понимая, что он очень занят, я старалась скромно издала поздороваться, но он всегда вставал и подходил ко мне, помогал снять пальто, справлялся о том, как идут дела. Он был очень притягательной, харизматичной личностью. У меня всегда была возможность общаться с ним по мере необходимости и получить профессиональный совет.

Помню, как однажды, когда я только начала писать свою работу и много не понимала, он сказал мне: «Самое главное в науке — чтобы был драйв, чтобы Вам хотелось сделать нечто интересное. Тогда всё получится». Я и сейчас часто вспоминаю эти слова.

Являясь автором многих монографий, он имел свой отработанный научный стиль, читать их было так увлекательно и интересно, что не невозможно было оторваться! Он подарил мне одну — это всё, что у меня осталось на память о нем. Летом я купила в подарок Юрию Юрьевичу футболку с его любимым изображением волка на груди, а подарить не успела...

**О.С. Павлова, к.пед.н., доц. кафедры этнопсихологии
и психологических проблем поликультурного образования
Московского городского психолого-педагогического
университета**

С Юрием Юрьевичем я познакомилась в 2010 г., когда впервые по приглашению Макки Султан-Гиреевны Албогачиевой приехала на Лавровские чтения в Санкт-Петербург. Юрия Юрьевича я знала по его работам, бесконечно уважала и восхищалась глубиной и размахом его северокавказских научных изысканий. Безусловно, перед ученым такой величины я испытывала благоговейный трепет. С первых же минут знакомства меня поразила его простота в общении. Он был не только очень доброжелателен, но и очень внимателен. Его отличал чуткий интерес к исследованиям и самим исследователям, колоссальная жажда жизни, обаяние и жизнелюбие. Очувтившись в доброжелательной атмосфере отдела Кавказа, в атмосфере радушного приема, оказанного мне его руководителем и сотрудниками, я стала ежегодно участвовать в Лавровских чтениях, что, безусловно, сыграло большую роль в моем становлении как исследователя.

Неожиданной и приятной стала наша встреча с Юрием Юрьевичем «в поле»: судьба свела нас во время исследований в Карачаево-Черкесии. Мы случайно встретились в Черкесске в Карачаево-Черкесском институте гуманитарных исследований. В более чем скромной обстановке НИИ, располагавшемся в старинном, аварийном здании музея, Юрий Юрьевич был, как всегда, рад новой встрече, возможности пообщаться, обменяться впечатлениями по исследованиям на Северо-Западном Кавказе. Будучи ученым с мировым именем, он общался как с равными с коллегами любого воз-

раста и статуса. Всегда был очень внимателен: на протяжении пяти лет нашего знакомства ко всем праздникам от него приходило теплое поздравление. Видеть в почте его письма всегда было приятно и каждый раз удивительно.

Таким Юрий Юрьевич и останется в памяти: доброжелательным, открытым, внимательным, готовым к наставничеству, общению и сотрудничеству...

В.А. Прищепова, к.и.н., снс отдела этнографии Центральной Азии МАЭ РАН

Познакомилась мы с Юрой, когда он появился в отделе Средней Азии, Казахстана и Кавказа в форме офицера Советской Армии. После окончания истфака Карпов, как все наши мальчики, ставшие артиллеристами на обязательной в те годы военной кафедре, служил под Выборгом. В то время он часто приезжал в отдел к своему будущему научному руководителю известному кавказоведу Леониду Ивановичу Лаврову. Лавров был легендарной личностью, талантливым исследователем, стать аспирантом которого мечтали многие, человеком эмоциональным. Юра заходил в наш кабинет всегда с улыбкой, вежливый и подтянутый. Как-то после очередного визита Карпова Лавров, видимо, переполненный впечатлениями, вышел из своего кабинета в наш, большой, и с чувством объявил, что этот молодой человек после армии будет нашим аспирантом, что он ода-рен и его ждет большое научное будущее.

После своих первых экспедиций на Северный Кавказ Юра привозил коллекции для музея, выступал с сообщениями о поездках, писал и обсуждал в отделе статьи по этим материалам. Его статьи появлялись часто, их тематика менялась. После начала учебы в аспирантуре Карпов быстро написал диссертацию, защитил ее. Тогда я первый раз увидела его молодую маму, на которую так поразительно был похож Юра.

Юра запомнился как очень любезный, приятный во всех отношениях человек, целующий руку даме во время приветствия, с обязательным комплиментом. Хотя при этом чувствовались не только его доброжелательность и воспитанность, но и какая-то твердость мужского характера. Примером может служить случай совместного посещения нашей «академички», столовой, дверь которой располагалась рядом с входом в музей. Отдел в те годы был

большим, молодежь в нем была, и мы вместе бегали обедать. Столовая была популярна, там бывало обычно много народу, столы были заняты, использованную посуду не успевали убирать. Войдя в зал и оглянувшись кругом, Юрий Юрьевич обратился к нам: «Ну-ка, девочки, посмотрите, сесть некуда, быстро убрали все!». Мы с удивлением переглянулись, но от неожиданности перетаскали грязную посуду со стола и при этом поняли, что Карпов может быть очень требовательным.

В 1970-е годы в Академии наук возник молодежный жилищный кооператив. У нас в несколько человек откликнулись на это предложение. Желаящие получить квартиру года на два переходили на стройку. Когда Юра вернулся в отдел и стал обладателем большой квартиры в дальнем необжитом тогда районе улицы маршала Жукова, он пригласил нас на новоселье.

Мы всем отделом собрались с цветами и подарками на станции метро «Автово», т.к. никто не знал, куда точно надо дальше ехать. Как-то добрались до улицы Жукова и увидели стоящий вдали огромный многоэтажный дом, по нашим представлениям, тот, который нам был нужен. Мы знали адрес, номер подъезда, но где был вход в дом, с какой стороны надо было пустырями его обойти и пробраться во двор, чтобы в него зайти... В конце концов, найдя правильный путь, мы, замерзшие в холодную ветреную погоду, оказались в гостеприимном доме Карповых. Квартира была просторной, в большой комнате был накрыт огромный стол, из кухни тянуло вкусными запахами. Тогда у Юры и Оли была только маленькая Даша. Среди нас была Нуриля Шаханова, тоже выпускница кафедры этнографии, которая в настоящее время переехала в Казахстан. У нее обычно в гостях устанавливались особенные отношения с детьми. Даша не стала исключением. В дальнейшем, когда Нуриля получила комнату и мы были у нее на новоселье, Юра подарил ей свой раздвижной круглый стол, позже переданный Нурилей в отдел. Этот стол до сих пор там стоит.

С годами, особенно после смерти Лаврова, Карпов сформировался как ученый с определенным кругом научных интересов, со своими взглядами на развитие отечественного кавказоведения. Отделом заведовал в те годы Вадим Петрович Курылев, специалист по казахской этнографии. В беседах они обсуждали необходимость кадрового расширения среднеазиатской и кавказской частей отдела, но осуществить это было сложно.

Тогда и возникла идея разделения отдела на два: отдела Средней Азии и Казахстана и отдела Кавказа. Первое время как-то непривычно было считать «кавказцев» сотрудниками другого отдела. Прежде обсуждение статей и диссертаций по народам Кавказа в отделе расширяло профессиональные знания, давало возможность проводить аналогии с явлениями традиционной культуры народов Средней Азии и Казахстана. Но все понимали, что разделение отдела на два было единственным условием роста.

Отдел Кавказа получил светлый кабинет на третьем этаже, но, к сожалению, пробыл там недолго. Начался капитальный ремонт, и на годы отдел переехал на галерею рядом с отделом Средней Азии и Казахстана. В переезде отдела Кавказа было и положительное, наши контакты с сотрудниками стали чаще. К Юре всегда можно было подойти с любым вопросом, он всегда был готов помочь.

Вообще же Юра вспоминается как отзывчивый, прямой и доброжелательный коллега, он был не способен на подлые поступки. Как и Лавров, он был человеком широкой натуры, стал ведущим кавказоведом страны.

Юра ушел очень рано, как многое он мог еще сделать! У него были обширные научные планы. Один из его последних докладов, который мне довелось слушать, был построен на архивных материалах и данных периодики 1920–1930 годов. Он привлек значительное количество новых источников, которые его увлекали и могли продолжиться в новых изысканиях.

**А.Х. Абазов, к.и.н., зав. кафедрой отечественной истории
и этнологии Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований**

С научными работами Ю.Ю. Карпова я начал знакомиться еще в годы обучения в аспирантуре Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Когда искал сравнительно-исторический материал по соционормативной культуре кабардинцев для подготовки кандидатской диссертации, часто обращался к его обстоятельным исследованиям по этнографии народов Дагестана. С тех пор держу их на видном месте в своей библиотеке.

Спустя некоторое время мне посчастливилось вступить в переписку с Юрием Юрьевичем. Это случилось в 2008 г., когда я начал готовить к изданию сборник трудов Л.И. Лаврова по культуре абазин,

адыгов, карачаевцев и балкарцев. Тогда Юрий Юрьевич любезно предоставил полный список научных работ Л.И. Лаврова, что и послужило для меня основным ориентиром при сборе и обработке материалов для книги. Кроме того, Ю.Ю. Карпов дал ряд ценных советов и рекомендаций в ходе написания вступительной статьи к сборнику.

Первая моя встреча с Ю.Ю. Карповым состоялась осенью 2012 г. в Ростове-на-Дону, когда мы принимали участие в работе международной научной конференции, посвященной изучению истоков и современного состояния национальной политики и модернизации системы управления на юге России. Юрий Юрьевич тогда работал в составе президиума конференции и выступал с докладом на пленарном заседании.

Спустя некоторое время Ю.Ю. Карпов посетил Нальчик для работы в архивах Кабардино-Балкарии. В свободное от работы время мы много общались. Мне даже посчастливилось организовать для него экскурсию по некоторым достопримечательностям Кабардино-Балкарии. Также обсуждали и различные научные проблемы. Я буду еще долго помнить те ценные советы и рекомендации, которые Юрий Юрьевич высказывал в адрес моей исследовательской работы. Это были советы настоящего ученого, опытного руководителя и мудрого организатора науки.

Сложно осознать, что Ю.Ю. Карпова уже с нами нет. Это невосполнимая потеря для всего исследовательского сообщества. Его научные труды пополнили золотой фонд отечественного кавказоведения. Для меня Юрий Юрьевич — настоящий образец служения науке.

Л. Меликишвили, д.и.н., член-корреспондент Национальной академии наук Грузии, Л. Джаниашвили, д.и.н., внс отдела этнологии Кавказа Института истории и этнологии им. И. Джавахишвили Тбилисского государственного университета, Н. Джалабадзе, д.и.н, снс отдела этнологии Кавказа Института истории и этнологии им. И. Джавахишвили Тбилисского государственного университета

В молодости Юрий Карпов неоднократно бывал в Грузии. Большой популярностью среди специалистов пользовались его труды на тему Кавказа, однако грузинская научная общественность лично познакомилась с ним не так давно — в 2003 г. Основание

в Тбилиси Международного научно-исследовательского института народов Кавказа дало толчок активизации довольно ослабленным к тому времени грузино-русским научным контактам. Под эгидой этой организации (МНИИНК) было организовано несколько научных конференций, основан журнал «Адат», членом редколлегии которого являлся Ю.Ю. Карпов и в котором была опубликована его статья «Портрет современного джигита глазами этнографа». Еще тогда в частных беседах Юрий Юрьевич высказывал мысль о том, что было большое желание и возможность усилить в Петербурге школу картвелологии, что частично и было осуществлено.

На следующей встрече — на Батумской конференции 2011 года — он был уже вместе со своими учениками. Юрий был восхищен произошедшими в Грузии позитивными изменениями, обновленным Батуми. В течение недели вместе со своими коллегами он посетил множество исторических памятников на территории Аджарии и Грузии в целом.

Особенно нас сблизили вечерние беседы за ужином, касавшиеся как чисто научных вопросов, так и человеческих отношений. Юрий поражал нас своим всесторонним знанием о Кавказе и Грузии в частности. Велика его заслуга в поддержании грузино-русских научных взаимоотношений, что выразилось в опубликовании трудов грузинских ученых в русских научных журналах. Продолжением этих связей можно считать сборник Батумской международной конференции, в который вошел весьма интересный труд Юрия Юрьевича «The dialectics of Nation-state construction in the North Caucasus in the 1920s–30s».

В 2014 г. он в последний раз посетил Тбилиси. Несмотря на занятость, он не забыл повидать своих старых друзей. Мы, грузинские коллеги Юрия Карпова, всегда будем вспоминать блестящее, утонченное чувство юмора, отличавшее этого замечательного профессионала, и тот вклад, который он внес в дело сохранения грузино-русских научных контактов.

**Д.Н. Прасолов, к.и.н., доц., зав. сектором этнологии
и этнографии Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований**

Книга «Джигит и волк» стала первой работой Ю.Ю. Карпова, с которой я познакомился. Книга удивительным образом казалась

сложной по содержанию и интригующей по манере изложения и при этом пестрой и завораживающей многообразием аргументов, аналогий и интерпретаций. Раскрывая явные и тайные смыслы мужского мира традиционной культуры народов Северного Кавказа, автор выявил множество особенностей политической культуры горцев, особенно актуальных для современного российского читателя, немало способствуя пониманию проблем постсоветского Кавказа.

Не меньшим пониманием кавказской специфики отличался его мужской взгляд на «Женское пространство в культуре народов Кавказа» (2001). Эта книга, безусловно, оказала значительное влияние на активизацию региональных гендерных исследований.

Стоит ли удивляться, что на IV конгрессе этнологов и антропологов в Нальчике в сентябре 2001 г. Юрий Юрьевич представлялся уже культовой фигурой современного кавказоведения и вызывал неподдельный интерес региональной научной общественности. При этом он оказался открытым и щедрым на общение человеком и ученым, что впоследствии неоднократно подтверждалось на конференциях в Карачаевске и Ростове-на-Дону, в ходе его научных командировок в Нальчик.

Конечно, особым вниманием Ю.Ю. Карпова пользовался Дагестан, которому посвящены его важнейшие монографии «Взгляд на горцев. Взгляд с гор...» (2007) и «Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века». (2011, в соавторстве с Е.Л. Капустиной). В них он еще глубже раскрыл свое мастерство исследователя и рассказчика, создающего поистине эпические этнокультурные полотна об удивительных способностях горцев к адаптации своего традиционализма к меняющемуся социально-политическому контексту. Эрудиции и научному кругозору Ю.Ю. Карпова было тесно даже в многоликом Дагестане, и монографии о нем стали непревзойденным образцом глубокого понимания сущности всего кавказского общества.

Талант Юрия Юрьевича проявился не только в авторстве великолепных новаторских исследований, но и в роли редактора-составителя тематических научных сборников, выход каждого из которых становился заметным событием в кавказоведении: «Традиции народов Кавказа в меняющемся мире» (2010) и «Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа» (2012).

Интенсивность, с которой выходили работы Ю.Ю. Карпова в последнее десятилетие, свидетельствовала о великолепной научной форме, в которой он находился как исследователь и организатор. Остается только с сожалением предполагать, как много он оставил в замыслах и в полной мере не успел передать свой разносторонний опыт, которым так щедро делился с молодыми коллегами.

Книги и статьи Юрия Юрьевича Карпова обязательны к прочтению и любому человеку, не обязательно специалисту, у кого возникнет необходимость составить представление о Кавказе. Его работы, насыщенные живыми и объективными образами, актуальными вне времени и пространства, стали энциклопедией кавказского общества, традиционного и современного, сформировав новую традицию в кавказоведении.

**Л.Ф. Попова, внс, зав отделом этнографии
народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана
Российского этнографического музея**

Уход Юрия Карпова стал для его друзей и коллег из Российского этнографического музея большим потрясением, которое еще далеко не изжило себя и вряд ли будет изжито когда-либо. Посвящая его памяти несколько строк, я обращаюсь к нескольким эпизодам своей жизни, которые благодаря Юрию Юрьевичу стали значимыми и добавили прошлому плотности и своеобразного колорита. Большое спасибо тебе, Юра, за это. Наша дружба обрела почву в 1995 г. — тогда я первый раз выступила с докладом на Лавровских чтениях, и надо ли говорить, сколь велико было мое волнение. После заседания Карпов отпустил мне такую порцию комплиментов, что, в принципе, я вкушаю ее до сих пор. Его равнодушие, любезность, щедрость на похвалы, желание сказать что-нибудь лестное, особенно дамам, всегда отличало Юрину манеру общения, а мимолетную встречу делало забавной и приятной. Он никогда не ленился поздравить с днем рождения или с праздником, его сообщения в памяти телефона составили целый «томик». Грустно, что он уже не пополнится.

С годами общий круг друзей и коллег, кафедральное «родство», общее дело, личная приязнь сделали нас не только соратниками, но своего рода побратимами с чувством общей судьбы. Этот органичный фон определял весь спектр общения с Юрием Юрьевичем —

дела решались легко и быстро, да и проблемами он никогда не обременял, поскольку как хороший руководитель и настоящий лидер увлекал только собственным примером. Мы в РЭМ были рады подставить ему плечо при подготовке Лавровских чтений в 2009 г., когда отмечалось 100-летие Л.И. Лаврова: открыли конференцию на своей площадке, подготовили выставку «Эпиграфика в памятниках традиционной культуры Кавказа», организовали экспозицию «Народы Средней Азии и Казахстана». Юра очень волновался в тот день, потому что, как мне кажется, переживал степень своей ответственности за продолжение дела Л.И. Лаврова. И как эмоциональная личность, пожалуй, даже перегорел.

Меня всегда поражала колоссальная трудоспособность Ю.Ю. Карпова, которая зиждилась не только на чувстве долга, но на подлинной увлеченности наукой и постоянной жажде истины его оригинального творческого ума. Каждый год Юрин доклад на Лавровских чтениях становился событием, что и не мудрено: ему было по силам приподнять свои деяния над обыденностью и перевести в регистр праздника, осмысленности, своего рода бескорыстного дара. Он умел выстроить драматургию доклада, когда у слушателя даже слегка перехватывало дыхание, и такие минуты нельзя вспоминать без восхищения. Таким мне показался доклад о разделении ритуального годичного календаря народов Дагестана на мужскую (весеннюю) и женскую (осеннюю) фазы — ясно, доказательно, образно, талантливо.

Общий масштаб личности Юрия Юрьевича — свободной, артистичной, неформальной — определял его значимость в любом обществе, будь то многолюдные заседания или маленькая дружеская компания. Высокий уровень его образованности, эрудиции, культурных интересов делали его замечательным собеседником. Кроме того, он всегда был открыт для проявления чувств, обмена чем-то допустимо сокровенным, не стеснялся сентиментальности. В день его рождения в 2013 г. после небольшой посиделки мы вышли во двор Кунсткамеры, и Юра рассказывал о старых друзьях-деревах этого двора, о своей кошке Норе, которая вдохновила автора на написание бестселлера «Женское пространство в культуре народов Кавказа», о питерском лете и дачном хозяйстве... Говорят, он и готовил хорошо.

Юра мог быть только ленинградцем, петербуржцем. Его знание города было редким для непрофессионала, хотя как настоящую

любовь он его не афишировал. Мой сегодняшний интерес к Петербургу в немалой степени сформирован Ю. Карповым, и это еще одна грань благодарности моему другу. Пусть родной город хранит в своей фантастической ауре память об этом человеке, идущем туманным утром через Дворцовый мост на работу.

**Е.Я. Селинenkova, к.филос.н., доц. кафедры
этнокультурологии Российского государственного
педагогического университета им. А.И.Герцена**

Поэты в России умирают рано. Русский гений издавна венчает тех, которые мало живут, — написал Николай Некрасов. Эта довольно распространенная среди гуманитариев мысль коснулась не только поэтов, но и в последние десятилетия целого поколения этнографов. Погиб Н.М. Гиренко, в экспедиции пропал С.В. Дмитриев, не стало Г.Н. Симакова, А.В. Коновалова, Е.А. Глинского. И вот в сентябре новая утрата — Юрий Юрьевич Карпов. Все молодые, полные сил и творческих устремлений, плеяда ярких этнографов, посвятивших себя изучению Азии и Кавказа, неутомимых в экспедициях, искушенных в тех рискованных ситуациях, которыми изобилует дальняя дорога путешественников и исследователей, но не прошедших инициацию во вторую половину жизни. Чем ярче факел горит, тем быстрее выгорает.

В нелегкие для отечественной этнографии 1980–1990-е годы весной проходили конференции, в которых сильная группа ученых отчитывалась о проделанной за год полевой и исследовательской работе. Ю.Ю. Карпов уже в те годы становится одним из ведущих докладчиков и организаторов этих сессий. Это было время, когда шла интенсивная проработка принципов включенного наблюдения и мониторинга работы с информантами, требовавшими от исследователя виртуозного владения навыками полевика, свободной импровизации в контактах с людьми, быстрым пером литератора и ученого. А еще и качества кабинетного ученого, хорошего организатора и редактора. Эти навыки требовались для публикации первых печатных материалов в виде тоненьких книжек в мягкой сероватой обложке.

Передо мной лежит библиографическая редкость — «Материалы полевых этнографических исследований 1988–1989 гг.», вышедшая только в 1992 г. тиражом в 200 экземпляров усилиями тогдаш-

него заведующего отделом Средней Азии и Кавказа В.П. Курылева и ответственного редактора Ю.Ю. Карпова. В предисловии к сборнику последний пишет, что ответственным редактором сборника должен был стать Р.Ф. Итс. Но его неожиданная кончина стала причиной передачи ответственного задания его ученику — Карпову. Юрий Юрьевич подхватил инициативу вместе с эстафетой идеи сделать периодическое издание для оперативного ввода в научный оборот новейшей информации по этнокультурным и этносоциальным процессам, интенсивно проявившимся в этот переломный период.

Этому он преданно служил. Ежегодно проводятся в стенах Кунсткамеры Лавровские среднеазиатско-кавказские чтения. Затем публикуются сборники материалов и исследований, которые все-сторонне охватывают проблематику сложных цивилизационных процессов, происходящих в ответ на вызовы времени. Расширяется круг авторов, участвующих в проекте, все больше интересных докладов зачитывается на заседаниях, которыми опытной рукой вел их неизменный руководитель. Среди участников проекта авторы из многих республик, Москвы, ученики — студенты Юрия Юрьевича, коллеги из Кунсткамеры, РЭМ и других научно-исследовательских центров Петербурга. Естественно, искренне и непредвзято складывался под руководством Юрия Карпова научный центр, изучающий сложнейшие вопросы культуры Востока.

Весенний ветер перемен освежал музейную тишину Кунсткамеры, сегодняшние проблемы подвергались живому обсуждению. Юрий Юрьевич тактично и внимательно руководил чтениями, предоставляя возможность высказаться докладчикам, меняя регламент, давая аудитории удовлетворить интерес. Сам Ю.Ю. Карпов, будучи и прекрасным полевиком, и кабинетным ученым, написавшим ряд глубоких монографий, прекрасно понимал скрупулезность труда коллег и потребность в коммуникациях. Он следовал этике этнографа: «К людям, ради людей!».

**Л.Ф. Попова, внс, зав отделом этнографии
народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана
Российского этнографического музея**

Уход Юрия Карпова стал для его друзей и коллег из Российского этнографического музея большим потрясением, которое еще

далеко не изжило себя и вряд ли будет изжито когда-либо. Посвящая его памяти несколько строк, я обращаюсь к нескольким эпизодам своей жизни, которые благодаря Юрию Юрьевичу стали значимыми и добавили прошлому плотности и своеобразного колорита. Большое спасибо тебе, Юра, за это. Наша дружба обрела почву в 1995 г. — тогда я первый раз выступила с докладом на Лавровских чтениях, и надо ли говорить, сколь велико было мое волнение. После заседания Карпов отпустил мне такую порцию комплиментов, что, в принципе, я вкушаю ее до сих пор. Его равнодушие, любезность, щедрость на похвалы, желание сказать что-нибудь лестное, особенно дамам, всегда отличало Юрину манеру общения, а мимо-летнюю встречу делало забавной и приятной. Он никогда не ленился поздравить с днем рождения или с праздником, его сообщения в памяти телефона составили целый «томик». Грустно, что он уже не пополнится.

С годами общий круг друзей и коллег, кафедральное «родство», общее дело, личная приязнь сделали нас не только соратниками, но своего рода побратимами с чувством общей судьбы. Этот органичный фон определял весь спектр общения с Юрием Юрьевичем — дела решались легко и быстро, да и проблемами он никогда не обременял, поскольку как хороший руководитель и настоящий лидер увлекал только собственным примером. Мы в РЭМ были рады подставить ему плечо при подготовке Лавровских чтений в 2009 г., когда отмечалось 100-летие Л.И. Лаврова: открыли конференцию на своей площадке, подготовили выставку «Эпиграфика в памятниках традиционной культуры Кавказа», организовали экспозицию «Народы Средней Азии и Казахстана». Юра очень волновался в тот день, потому что, как мне кажется, переживал степень своей ответственности за продолжение дела Л.И. Лаврова. И как эмоциональная личность, пожалуй, даже перегорел.

Меня всегда поражала колоссальная трудоспособность Ю.Ю. Карпова, которая зиждилась не только на чувстве долга, но на подлинной увлеченности наукой и постоянной жажде истины его оригинального творческого ума. Каждый год Юрин доклад на Лавровских чтениях становился событием, что и не мудрено: ему было по силам приподнять свои деяния над обыденностью и перевести в регистр праздника, осмысленности, своего рода бескорыстного дара. Он умел выстроить драматургию доклада, когда у слушателя даже слегка перехватывало дыхание, и такие минуты нельзя вспо-

минать без восхищения. Таким мне показался доклад о разделении ритуального годичного календаря народов Дагестана на мужскую (весеннюю) и женскую (осеннюю) фазы — ясно, доказательно, образно, талантливо.

Общий масштаб личности Юрия Юрьевича — свободной, артистичной, неформальной — определял его значимость в любом обществе, будь то многочисленные заседания или маленькая дружеская компания. Высокий уровень его образованности, эрудиции, культурных интересов делали его замечательным собеседником. Кроме того, он всегда был открыт для проявления чувств, обмена чем-то допустимо сокровенным, не стеснялся сентиментальности. В день его рождения в 2013 г. после небольшой посиделки мы вышли во двор Кунсткамеры, и Юра рассказывал о старых друзьях-деревах этого двора, о своей кошке Норе, которая вдохновила автора на написание бестселлера «Женское пространство в культуре народов Кавказа», о питерском лете и дачном хозяйстве... Говорят, он и готовил хорошо.

Юра мог быть только ленинградцем, петербуржцем. Его знание города было редким для непрофессионала, хотя как настоящую любовь он его не афишировал. Мой сегодняшний интерес к Петербургу в немалой степени сформирован Ю. Карповым, и это еще одна грань благодарности моему другу. Пусть родной город хранит в своей фантастической ауре память об этом человеке, идущем туманным утром через Дворцовый мост на работу.

**Н.В. Кашовская, к.и.н.,
зав. отделом религий Востока ГМИР**

В моей жизни археолога-эпиграфиста и путешественника происходит немало встреч с самыми разнообразными людьми, чему в немалой степени способствуют обстоятельства нашей кочевой жизни. Но есть встречи особого рода, без которых свое последующее существование на земле уже невозможно представить. Три года назад и меня мой научный интерес привел на Университетскую набережную в Кунсткамеру, на семинар кавказоведов (насколько велико мое сожаление, что произошло это событие в моей жизни слишком поздно, осознаешь только теперь).

Меня встретил очень большой Человек, словно, гора в спокойной уверенности, с улыбкой счастья на лице — это был Юрий Юрье-

вич Карпов. Сразу, через несколько первых минут я попала под его обаяние. Потом от коллег я узнала, что ощущение пережили и чувствовали все, кто с ним работал, общался в течение долгих лет или же нескольких. Определив Юрия Юрьевича «горой», я имела в виду не только монументальность его фигуры, что само по себе верно, но и безусловный масштаб личности. Он очень живо отозвался на мой рассказ о только завершившейся поездке на Кавказ: почти ювелирная точность вопросов, комментарии на мои ответы открыли передо мной ученого, горячо любящего кавказский край, его шумные народы, их удивительные исторические судьбы, и за каждым рассказом стоял конкретный человек.

Он был ученой душой Кавказа, мне казалось, что знать Дагестан, его самые разные селения и города больше, чем знал Юрий Юрьевич, по-моему, просто невозможно. Он производил на собеседника впечатление такой яркой любви к этой удивительной земле, что самому хотелось принимать, понимать и любить Кавказ так же, как он сам. Всем своим существом Юрий Юрьевич болел за сохранение особой дагестанской самобытности, горского духа.

Больно говорить и писать о Юрии Юрьевиче Карпове в прошедшем времени. Весть о его смерти ко мне в холодный и тусклый сентябрьский день, 3 сентября. Она заставила сжаться до боли сердце, забиться мысли, что как мало пришлось знать этого светлого, доброго, мудрого человека и большого ученого. Его гражданская позиция, удивительная деликатность ученого и жизнелюбие — все говорит, что мы потеряли еще и выдающегося человека, Человека с большой буквы! Без него наш мир стал еще менее позитивным, менее ярким, менее добрым. И мои печальные слова как скромная дань любви и памяти замечательному Юрию Юрьевичу Карпову, человеку, чей уход всегда будет осознаваться мною как огромная утрата.

НАГРАДЫ

Диплом лауреата премии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. В номинации «Лучшая научная монография 2007 года»

Диплом лауреата премии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. В номинации «Лучшая научная статья 2008 года»

Первая премия 2-го конкурса научных работ по кавказоведению и регионоведению Юга России имени Ю.А. Жданова Южного Федерального университета (2008)

Почетная грамота «За многолетний и добросовестный труд по сохранению научно-исторического и культурного наследия нашего Отечества и в связи с 295-летием со дня основания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (2009)»

Научное издание

Юрий Юрьевич Карпов

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор
Корректор *Е. З. Чикадзе*
Компьютерный макет *Н. И. Паиковской*

Подписано в печать 10.12.2014.
Формат 64×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonPS. Усл. печ. л. 00. Уч.-изд. л. 00.
Тираж 000 экз. Заказ № 000.

МАЭ РАН
190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в